



ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ГЕОГРАФЫ-ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

*Л. Гришина*

# К НЕВЕДОМЫМ ГОРАМ

ПУТЕШЕСТВИЯ  
С. В. ОБРУЧЕВА



ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЫСЛЬ»  
МОСКВА 1971



*C. Oshyref*

Маленький «Круглый зал» Московского университета, выходящий окнами одновременно на Моховую улицу и улицу Герцена, заполнен студентами-географами второго курса.

Год 1929-й, декабрь.

Звонок-колокольчик уже умолк, лекции начались, но в зале продолжали шуметь: лектор после перерыва опаздывал. Старенький сторож, он же «главный наставник» студентов всех курсов, Егор Васильевич заглянул в дверь, посмотрел, почему так шумно в аудитории. В громком споре его не заметили. Егор Васильевич вошел в зал и, прикрыв за собой дверь, пытался понять, что там происходит. Спорящие продолжали кричать, и он, переложив в левую руку тяжелую связку ключей, с которой никогда не расставался, позвонил колокольчиком еще раз. Стало тихо, взоры всех обратились к двери, но лектора все еще не было. Егор Васильевич, установив порядок, вышел.

В наступившей тишине слышался приглушенный голос вихрастого брюнета, который старался говорить тихо:

— Люди, умоляю, скажите толком, что еще открыл на нашей древней планете знаменитый Обручев?

— Друг мой, — ответила четким шепотом сидевшая у двери круглолицая девушка, — ты знаешь только имена альпинистов, другие покорители природы тебе неведомы. Открыл огромный хребет совсем не тот прославленный Обручев, который тебе известен, конечно, только как автор «Плутонии» и «Земли Санникова».

— Как не тот? Я знаю Обручева — исследователя Азии, геолога, академика!

— Да это не тот Обручев, — закричали со всех сторон.

Дверь открылась. Вошел профессор, читавший курс исторической геологии. Все мгновенно замолчали.

— Я вижу, — сказал профессор, — что вынужден начать второй час лекции, несмотря на мое опоздание, с краткого сообщения о выдающемся географическом открытии нашего века, ибо ни о чем другом вы сейчас слушать не способны.

Итак, оставим пока далекую юрскую эпоху и поговорим о семье Обручевых.

Владимир Афанасьевич Обручев — геолог, путешественник и исследователь Азии, прекрасный популяризатор научных знаний, человек широкого кругозора и интересов — известен всем. О нем написаны статьи и брошюры. У Владимира Афанасьевича есть три сына, они тоже геологи. Любовь к природе, труду, знаниям, экспедициям, привитые в семье Обручева детям, и определили, вероятно, геологическую «направленность» сыновей.

Виновник вашего горячего спора — средний сын Владимира Афанасьевича Обручева — Сергей Владимирович. Он родился в 1891 году в Иркутске, окончил Томское реальное училище, а затем был, как и вы, студентом Московского университета. Сейчас ему 38 лет, он опытный геолог и географ.

Уже с 14 лет он ездил с отцом в экспедиции в Джунгарию и Семипалатинскую область.

Будучи студентом естественного отделения физико-математического факультета, Сергей Владимирович решает посвятить жизнь географии и геологии неисследованных областей Сибири. В 1915 году он окончил Московский университет и был оставлен академиком А. П. Павловым на кафедре геологии для подготовки к профессорскому званию.

Сергей Владимирович открыл в 1926 году на северо-востоке нашей страны горный хребет в тысячу километров длиной и три тысячи метров высотой, превышающий по площади Кавказ. Географическое общество по предложению Сергея Владимировича Обручева назвало этот хребет, точнее, обширную горную страну хребтом Черского.

Сергей Владимирович следует по стопам отца: он также исследует Сибирь, также занимается не только геологией, но и географией, увлекается литературой — пишет литературоведческие статьи. Старший его брат — Владимир Владимирович — экономист-геолог, младший — Дмитрий Владимирович — палеонтолог.

На этом позвольте мне сообщение закончить. Почитай.

те об исследованиях Сергея Владимировича Обручева, познакомьтесь с его работами. Вы узнаете, что десять лет назад он сделал важное открытие в геологии, выдвинул гипотезу о существовании огромного угольного бассейна в Сибири.

— Вернемся в юрскую эпоху... Это было время широкого развития морских трансгрессий...

Раздался звон колокольчика, Егор Васильевич известил об окончании лекций. Аудитории опустели. Только в залах библиотеки поздно вечером несколько студентов шестелели страницами книг. Они познавали «нового» Обручева.

## В СТРАНЕ УГЛЯ И ГРАФИТА



Луна плыла среди небес  
без блеска, без лучей,  
налево был угрюмый лес,  
направо — Енисей.

*Н. А. Некрасов*

Неисследованные земли Сибири и Дальнего Востока выделялись на карте страны огромными «белыми пятнами», они-то и привлекали внимание молодого геолога С. В. Обручева. В 1917 году уже была организована по поручению Геологического комитета первая экспедиция Сергея Владимировича для изучения геологии среднего течения долины реки Ангары, или Верхней Тунгуски, как тогда ее называли. Район работ экспедиции начинался от Братского острога, когда-то форпоста движения русских на восток Азии, и кончался у реки Каты — границы Енисейской области. Экспедиции предстояло изучить участок долины Ангары протяженностью 400 километров и связать свои работы с геологическими разрезами верхнего течения реки Лены.

В отчете о геологическом строении изученного района Сергей Владимирович выдвинул смелую гипотезу о существовании на этой территории обширного угленосного бассейна. Он писал: «...исследование Ангары, сопоставление с литературными данными привело меня к убеждению, что

к северу от Ангары, между Леной и Енисеем, лежит обширный угленосный бассейн.

В 1919 г. я суммировал весь имевшийся в то время материал и предложил выделить этот район в особую экономическую и геологическую единицу — Тунгусский угленосный бассейн».

Гипотеза вскоре блестяще подтвердилась. Был открыт угленосный бассейн площадью в миллион квадратных километров — один из самых больших в мире.

Огромная площадь бассейна до экспедиции Обручева изучалась слабо, хотя некоторые районы исследовались серьезными геологами (1848 г. — М. Козицкий, 1871 г. — А. Л. Чекановский, 1888 г. — И. Д. Черский, 1895 г. — В. И. Яворский, 1908 г. — А. Г. Ржонсницкий и др.). Но прежние исследователи считали, что на этой громадной площади есть несколько небольших месторождений угля, не связанных между собой. О наличии единого угольного бассейна никто не подозревал. Первая экспедиция Сергея Владимировича принесла ему как геологу большую известность.

На территории, занятой Тунгусским бассейном, много других полезных ископаемых. Особое место среди них принадлежит графиту. Еще с середины XIX века графит пытались добывать «промышленно» и в большом количестве. Но вывозить его из далеких глухих районов было трудно. Неудачные попытки транспортировки графита привели к тому, что интерес к разработкам пропал. Лишь в советское время начались освоение Тунгусского бассейна и разработка графитовых месторождений.

Но главное богатство — уголь. Первые сведения о наличии угля сообщил еще 300 лет назад голландец Витсен. В книге о России он написал, что на Таймуре, притоке Нижней Тунгуски, горит гора. Это горел каменный уголь. Подземные пожары нередки и теперь. Первым же, кто открыл месторождение угля, был Мессершмидт, которого Петр I в 1723 году послал изучать Сибирь.

Открытие (в полном смысле слова) угольного бассейна принадлежит Сергею Владимировичу. Кроме детального изучения геологии Тунгусского бассейна он описал рельеф этой территории. Хотя географические сведения не были пионерными, как данные геологические, но формы рельефа и их происхождение впервые были связаны Обручевым с геологическим строением страны. Вся изученная его экспедицией область лежит на Среднесибир-

ском плоскогорье, площадь которого достигает полутора миллионов квадратных километров. Высоты увеличиваются к югу до 600 метров и более резко к северу — до 1500 метров. Обширная высокая равнина плоскогорья, поросшая тайгой, кажется бескрайней и неприступной. Вечная мерзлота, болота, глушь. Это царство гнуса, комаров, мошки, слепней. От гнуса нет спасения ни людям, ни лошадям.

Однообразие рельефа нарушают только долина Енисея и его притоки. Там, где реки прорезают твердые породы — траппы, долины — мрачные узкие ущелья.

Удручает безлюдие тайги. Изредка встречала экспедиция семьи эвенков-оленоводов. Русские поселения были лишь на Ангаре и Енисее, а на Подкаменной и Нижней Тунгуске едва только возникли торговые фактории.

Но, несмотря на тяжелые условия, экспедиция выполнила намеченный план работ. Позже, в 1923 году, С. В. Обручев закончил исследование Ангары до Енисейского горста (поднятый по разломам участок). Была проведена геологическая съемка Енисейского золотоносного района. В 1924 году успешно были завершены работы на Подкаменной Тунгуске.

Помощниками Сергея Владимировича в экспедиции были студенты, о которых он очень тепло отзывался: «Мои помощниками во время этих работ были студенты... Кроме обязанностей коллектора на них лежало ведение маршрутной съемки, и нередко им приходилось заменять гребцов, в особенности в 1923 и 1924 годах, когда по незначительности средств я мог нанимать только одного рабочего (лоцмана). Успех экспедиций поэтому в значительной степени зависел и от их самоотверженной работы».



## ОТКРЫТИЕ ХРЕБТА ЧЕРСКОГО



Можно ли в XX веке открыть на земле горный хребет, равный по площади Кавказу?

В 1926 году в Сибири была открыта горная страна, равная по площади Кавказу. Это открытие было неожиданным, хотя если вспомнить историю исследования Северо-Востока Азии, его удаленность и труднодоступность, то это не покажется столь удивительным.

В XVII веке русские землепроходцы, в основном казаки и промышленники, открыли лено-колымские и юкагирские земли, огромные территории вплоть до Берингова пролива, но тем не менее Северо-Восток оставался «белым пятном» вплоть до начала XX века.

Лишь несколько ученых-путешественников побывали в этих далеких неизвестных землях. В конце XVIII века известный путешественник Гавриил Андреевич Сарычев пересек эту огромную территорию. Он путешествовал восемь лет. В суровых условиях Севера его поход был героическим. Он сообщил первые сведения об этой удаленной стране, но орография ее не стала яснее, ибо Сарычев не вел маршрутных съемок, хотя его схематическая карта была шагом вперед по сравнению с Атласом Российским 1745 года. Фердинанд Врангель в 1820 году проехал из Якутска в Среднеколымск. В 1823 году с Колымы в Якутск через Оймякон прошли спутники Врангеля — мичман Матюшкин и доктор Кибер, но и они не сделали описания маршрута. В 1870 году в тех же районах побывали участники экспедиции Майделя — топограф Афанасьев и астроном Нейман. Возвращаясь после двухлетней тяжелой экспедиции, они не в состоянии были вести дневники и тоже не описали этих мест.

Последний, кто побывал на Северо-Востоке перед экспедицией Обручева, был Иван Дементьевич Черский, известный геолог и географ.

Черский был командирован Академией наук для трехлетних исследований Верхоянско-Колымского края. В ка-

честве зоолога с ним отправилась его жена Мавра Павловна и двенадцатилетний сын.

Семья Черского в июне 1891 года выехала из Якутска и 28 августа прибыла в Верхнеколымск, где осталась зимовать. Здесь Черский тяжело заболел. Трудное путешествие и суровый климат подорвали и без того слабое здоровье исследователя. Иван Дементьевич сознавал, что уже не вернется из этой экспедиции, и невероятным напряжением сил старался довести исследования до Нижнеколымска, изучить нижнее течение реки Колымы.

Весной 1892 года маленький отряд поплыл вниз по Колыме. Но с 20 июня Черский уже не мог вести дневник, и записи продолжала делать жена. 25 июня Иван Дементьевич умер, его похоронили у устья Омолона. Путешествие Черского — это подвиг, мужество и преданность науке. Он первый дал относительно подробные сведения об этих далеких районах, но не закончил исследования, и большая площадь Северо-Востока, можно сказать, продолжала оставаться «белым пятном».

Вскоре Мавра Павловна с сыном, героически закончив работы покойного мужа, вынуждена была вернуться в Якутск. Коллекции и дневники она передала в Академию наук.

Но Иван Дементьевич, несмотря на свои недолгие исследования, сделал важное открытие. На пути от Оймякона он пересек три горные цепи. Первая из них, которую он назвал Тас-Кыстабыт, принадлежала, по мнению Обручева, к складкам Верхоянского и Колымского хребтов. Севернее шла двойная цепь, которую Черский назвал Улахан-Чистай. За истоками Момы, севернее, была пересечена третья цепь гор — Топус-Хая — тоже северо-западного направления, как и предыдущие.

Черский уже догадывался, что на картах неверно изображена орография страны, и в своем предварительном отчете объединил пройденные им цепи в «Индигино-Колымский отрог Яблонового хребта». Сергей Владимирович Обручев из этих строк делает вывод, что Черский ясно отдавал себе отчет в том, что на картах надо изменить направление горных хребтов. Но на его наблюдения, не выделенные в дневниках достаточно рельефно, не обратили внимания, и в течение 35 лет на картах по-прежнему изображались водораздельные хребты, идущие меридионально.

Сергей Владимирович предложил назвать открытую

горную страну хребтом Черского. Обручев говорил, что открывает новую орографическую систему не тот, кто ее пересечет, не видя ничего, кроме отдельных элементов, а тот, кто впервые поймет истинное соотношение их. А Черский первый высказал правильную мысль о положении хребтов.

Экспедиция Сергея Владимировича Обручева стала непосредственным продолжением исследований Черского. До 1926 года, в течение 35 лет после Черского, на юго-востоке Верхоянско-Колымского края никто из ученых не побывал.

Сергей Владимирович имел опыт работы на Севере. Он исследовал острова Шпицбергена и Новую Землю. Участвовал в экспедиции «Плавморнина», первого в СССР плавучего морского научного института, который с 1922 года вел работы на северных морях. Естественно, что Сергей Владимирович был выбран руководителем северо-восточной экспедиции.

Экспедиция предстояла трудная. В неизведанные области долины Индигирки отправлялся очень небольшой отряд: начальником экспедиции С. В. Обручев, геодезист-картограф К. А. Салищев, горный инженер В. А. Протопопов, горный техник И. Н. Чернов и двое рабочих — промывальщиков золота. Такой состав специалистов определенно неожиданно изменившимся планом работ.

Ранее экспедиция предполагала изучить западную часть бассейна Индигирки и пересечь Верхоянский хребет, собрать первые научные данные об этих далеких территориях. Сергей Владимирович отмечал, что территория к югу от Колымского тракта не только наименее исследованная область в СССР, но и одна из наименее известных стран в мире. Что ждало экспедицию в этом неизвестном районе, никто не знал. «Отгороженный от всего мира каменной стеной — ледяным поясом, Верхоянско-Колымский край кроме обычных для Северной Сибири лесов славился своим холодом — метеорологическая станция в Верхоянске давала самые низкие в мире, известные в то время, температуры, доходившие в некоторые годы до минус 70° Цельсия»\*.

Караван экспедиции на 44 лошадях растянулся длинной цепью. Первое и второе лето участники экспедиции

\* Сейчас, как установлено антарктическими экспедициями, полюс холода находится в Антарктиде, где зарегистрирована температура минус 87°.

должны были проводить работы в Верхоянском хребте и только затем исследовать Индигирку и Колыму. Но неожиданно планы изменились: появилось новое задание, вызванное необычной историей.

В начале 1925 года некий Николаев, бывший белый офицер из шаек, скитавшихся в Верхоянско-Колымском крае, принес в Якутскую контору Госбанка 14 золотников платины. Николаев рассказал, что платина намыта им во время его скитаний в районе Чыбагалаха, левого притока Индигирки. Естественно, указание на новое месторождение платины привлекло внимание не только якутского Совнаркома, но и Геологического комитета. Якутский Совнарком немедленно отправил на месторождение геолога и золотоискателя, но за лето они не смогли добраться до Чыбагалаха и вернулись в Верхоянск.

Геологический комитет поручил проверить заявку Николаева экспедиции Обручева, в которую включили разведочную партию (В. А. Протопопов и И. Н. Чернов). Возникла также необходимость определять астрономические пункты, на основании которых была бы создана топографическая карта. Все геодезические работы были возложены на молодого геодезиста-картографа Константина Салищева.

В экспедиции не было радиостанции и радиста, долготу пунктов, следовательно, надо было определять по разнице во времени по хронометрам, на что геодезисты смотрели скептически.

Забегая вперед, надо отметить, что геодезические работы были выполнены блестяще и результаты оказались превосходными, хотя Салищеву тогда был всего двадцать один год. Вероятно, молодость исследователя послужила причиной того, что его не считали сооткрывателем новой горной страны. Хотя Сергей Владимирович сам не раз в докладах говорил, что хребет Черского они открыли с Салищевым\*.

---

\* Позже, в 1934 году, в книге «На самолете в восточной Арктике» С. В. Обручев писал об этом: «С высоты, на которой мы летели, далеко на север видны были сияющие горные цепи — это конец громадного хребта Черского, открытого мною и Салищевым в 1926 г., который пересекает всю восточную Якутию и упирается в Охотское море» (стр. 42).

В настоящее время К. А. Салищев — заведующий кафедрой картографии Московского университета, вице-президент Географического общества СССР, председатель Международной картографической ассоциации.

К. А. Салищев — автор тома трудов Индигирской экспедиции, вышедшего в 1932 году. В нем изложены астрономические и топографические результаты работы, составляющие основы топографической карты. Карта составлялась на материалах маршрутно-глазомерной съемки, сведений Черского, расспросных данных; она служит вещественным доказательством сделанного открытия.

...Цель поисков платины была туманной. Николаев, с которым говорил Сергей Владимирович в Якутске, не мог даже нарисовать схему, как добраться до месторождения. Описание самого месторождения он потерял, хотя подробно рассказал о местности, где нашел драгоценный металл. По его словам, для района месторождения характерны горы, напоминающие по формам коровье вымя. Все эти сбивчивые объяснения вызывали у Обручева сомнение.

Едва экспедиция выступила из Якутска, как проводники и местные жители стали убеждать Сергея Владимировича, что до Чыбагалаха добраться вообще невозможно. Обручев принял решение сначала дойти до Индигирки, а затем пробираться к таинственному месторождению платины, указанному Николаевым.

Миная бесчисленные аласы (котловинообразные посадки грунта в результате протаивания мерзлого слоя), в центральной части обычно занятые озерами, экспедиция переправилась через Алдан. Началась неизведанная страна. Потянулись сплошные болота обширной приалданской низменности, достигающие ширины до двухсот километров. Там, где Алдан течет близ Верхоянского хребта, низменность сужается, но здесь тоже царство болот. Около двух недель идет экспедиция по шаткой их поверхности. Болота самые разные, различны и трудности их преодоления. Есть чистые болота с большими кочками, покрытыми болотной травой. Благодаря тому что вечная мерзлота здесь близко — всего 50—70 сантиметров от поверхности, — по такому болоту идти сравнительно хорошо, так как есть твердое мерзлое основание. Лошади бредут по брюхо в воде, но не проваливаются. Труднее идти по болоту с редким лесом. Еще хуже — лес по болоту, где тропа представляет ряд грязных топких ям между корнями деревьев. В этих ямах лошади могут сломать ноги. Где леса нет, там болота маленькие, но глубокие, переходить такие болота еще опаснее — лошади вязнут и тонут.

Но наконец кончились болота. Крутым 500-метровым уступом поднялась первая ступень Верхоянского хребта.

Караван вошел в долину реки Томпо. Чтобы увидеть расположение долин и хребтов, Сергею Владимировичу часто приходилось подниматься на вершины гор, где, кроме стелющегося кедрового стланика, ничего не росло. На вершинах гор дул резкий ветер, было прохладно, зато не было гнуса, который так мучает людей и животных внизу.

Цепи гор сменяли друг друга, и казалось невозможным дойти до водораздела Верхоянского хребта, ширина которого достигала 450 километров. Суровая и таинственная страна раскинулась перед исследователями. На сотни километров безмолвие и безлюдье. В Индигирском районе на человека приходилось тогда 100 квадратных километров, а в горах — 1000 квадратных километров.

Вокруг лишь величественная панорама сложно ориентированных хребтов; белые снеговые шапки гор искрятся, как огромные алмазы, они холодны и неприступны. Когда-то с Верхоянского хребта спускались громадные ледники, и свидетельство этому — плоскодонные долины и креслообразные углубления на склонах гор (кары).

Иван Дементьевич Черский не бывал в областях современного оледенения и поэтому не отметил в Верхоянском хребте ледниковых форм рельефа. Теперь эти формы подробно исследовал и описал Сергей Владимирович.

В долине, где идет экспедиция, часто встречаются белые пятна тарынов, характерных для севера Сибири. В областях вечной мерзлоты они подобны наледям. Зимой во время сильных холодов многие горные реки промерзают до дна и вода прокладывает себе путь через галечники берегов. Многочисленными струйками она поступает на поверхность льда, разливается по нему тонким слоем, который вскоре замерзает. Таким образом за зиму замерзает слой льда толщиной до двух-трех и даже до восьми метров, который покрывает не только русло реки, но и ее долину, иногда шириной до трех километров. Тарыны бывают различной длины — от нескольких сот метров до десятка километров. Лед тарына часто многоэтажный. Неожиданно, пробив верхний лед, можно провалиться в глубокую полынью нижнего этажа. Тарын — удивительный парадокс: зимой при 60-градусных морозах он всегда покрыт водой, а летом, в июле, — это белоснежные толщи льда среди зелени, не тающие до самой осени.

Главная горная цепь тянется в сторону Алдана — это скалистые гребни и пики, глубокие ущелья, вечные снега на вершинах. В сторону же Индигирки, на восток и север,

простираются горы иные — почти мелкосопочник, с округлыми вершинами, зеленый и приветливый. Когда-то эти горы были покрыты мощными ледниками.

28 июля Сергей Владимирович, поднявшись на перевал, увидел широкую, до 14 километров, долину с обширными лугами и по дальнему ее краю плесы большой реки Индигирки. Сергей Владимирович не без волнения писал, что он смотрел на реку, по которой никто не проплывал, знаменитую своими страшными порогами. Перед ним лежала совершенно неисследованная область. Таинственная Индигирка, которую Обручев уже пять лет включал в разные планы и программы своих исследований, Индигирка, которую экспедиция должна была посетить лишь через два-три года, вдруг превратилась из географического названия в действительность, в большую полноводную реку.

В долине реки Эльги, левого притока Индигирки, разведочная партия нашла признаки золота. Это, конечно, не месторождение, а только указание на то, что «в верховьях Эльги где-то есть золото». А вдруг Николаев сказал правду? Чем дальше плыли по Индигирке, тем отчетливее выяснялось, что карта совсем не соответствует местности и тем сложнее добраться до таинственного Чыбагалаха, хранящего, судя по словам Николаева, клад платины.

Но вот неожиданная радость: появляется «колумб Индигирки» — якут Мичика Старков. Он бесстрашно плывет в неустойчивой маленькой ветке (лодке) по бушующей реке. Чтобы попасть в экспедицию, он проплыл более 400 километров.

Размеры реки и окружающих гор, бешеное течение воды подавляли своим величием. Никогда ни на каких порогах Ангары или Средней Тунгуски, вспоминал Сергей Владимирович, не было у него такого ощущения, что человек стоит лицом к лицу с неизбежным. Пороги Индигирки по опасности ни с чем не сравнимы, долина реки в этом месте похожа на узкую трубу, в которой мчится огромная масса воды. Попав в ущелье, исследователь может пролетать в несколько часов 75 километров чуть ли не до Чыбагалаха со скоростью не меньше 15 километров в час.

Сергей Владимирович осмотрел лишь начало ущелья, близ притока Тюбеляха. Неожиданно он встретил здесь якута с двумя мальчиками. Изумление на их лицах от этой встречи, несмотря на все восточное спокойствие, было неописуемо. Да и сам путешественник изумлен и рад. Следо-

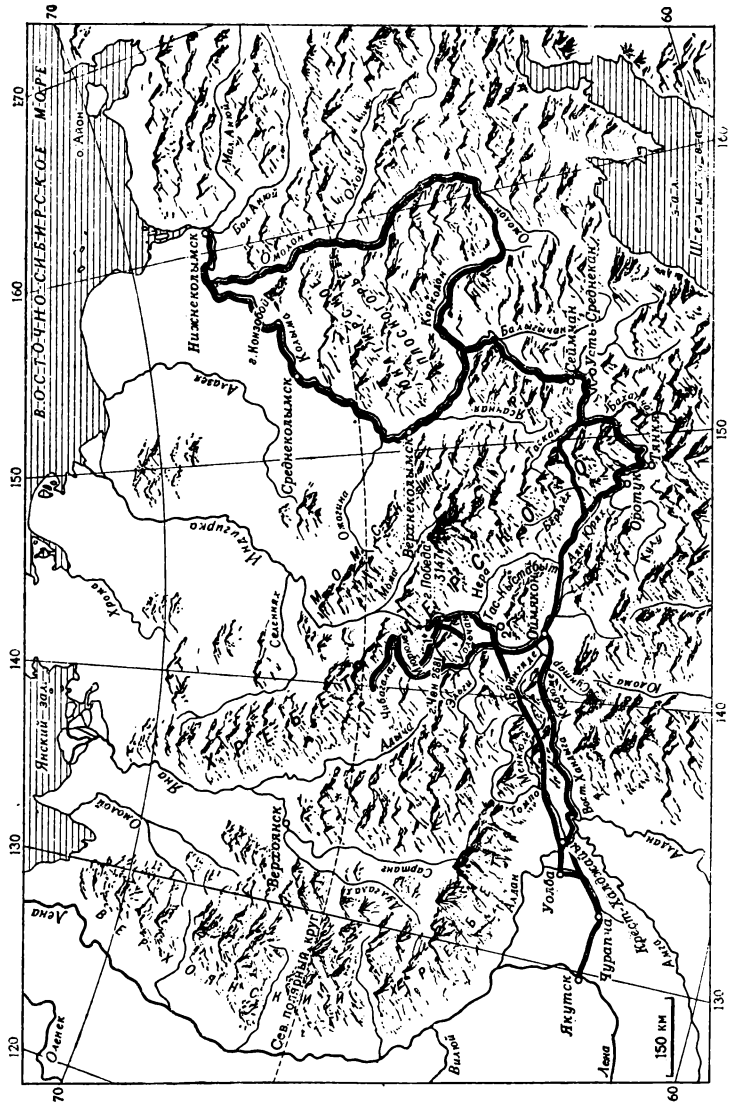
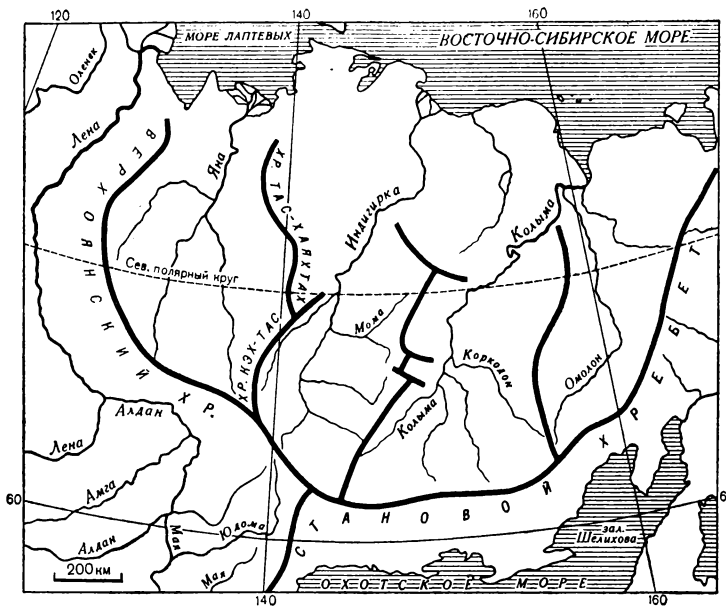


Схема маршрута С. В. Обручева в бассейнах рек Индигирки и Колымы в 1926 г. и в 1929—1930 гг.



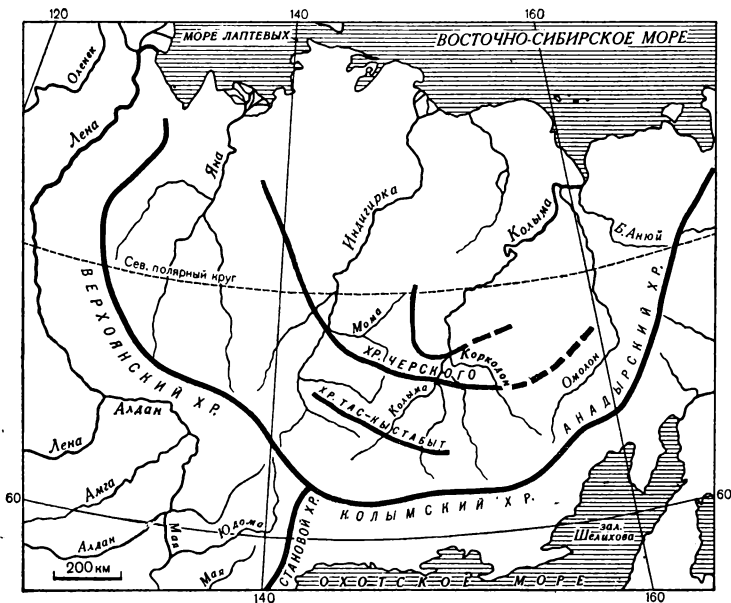


Расположение горных хребтов Колымо-Индигирского края на картах, составленных до экспедиции С. В. Обручева

вало бы поговорить с якутами, рассказать им об экспедиции и ее задачах, кое о чем порасспросить. Но времени нет: до ночи обязательно надо вернуться в лагерь. Сказав в ответ на их расспросы «толкуй сох» (новостей нет), он ушел.

Начался трудный поход через хребты с Индигирки на реку Чыбагалах. На пути встали горы, покрытые в разгар лета снегом; никто из географов не предполагал, что в северной Сибири есть такие высокие горы.

Горы покоряются с трудом. Устали люди. Падают лошади. Нестерпимо тяжело переходить брод в ледяной воде. Карта по-прежнему изображает что-то фантастическое: вместо показанной на ней обширной низменности «на севере, в дымке, какой-то новый хребет. Когда же они кончатся? Впрочем, виноват, на северо-западе видна если не равнина, то ровный край плато, высокого, лежащего выше линии леса, но совершенно ровного, — это, очевидно, начало огромной Верхоянской впадины. Значит, цепи, открытые нами, упираются на западе в это плато и водораздел между Яной и Индигиркой лежит значительно ниже,



Предварительная схема хребтов Колымо-Индигирского края, составленная по работам экспедиции С. В. Обручева

чем гребни цепей по Индигирке и вблизи нее, — значительное открытие, к которому мы еще вернемся, — записал в дневнике Сергей Владимирович. Не только ему и Салищеву было ясно, что они обнаружили какую-то новую, неизвестную горную страну. Даже проводники, постоянно сверявшие свои познания с картой, качали головой: «Врет твоя карта, начальник, смотри какой высокий горы и как их много, никак не пройдем, а где они на твоей карте?»

Черский был прав: горные хребты идут так, как он указывал, почти широтно, только никто из ученых не задумался над этим. Хребтам нет конца. Настоящая огромная горная страна, и, если бы не смерть Черского, он непременно установил бы это.

Экспедиция идет все дальше. Спуски и подъемы. Усталость и холод. Наконец с перевала увидели устье реки. По-видимому, это была река Мюреле. Путешественники знали, что она впадает в Чыбагалах. Цель достигнута: бурная река, окруженная утесами гор, которой отдавала свои воды Мюреле, и была Чыбагалахом.

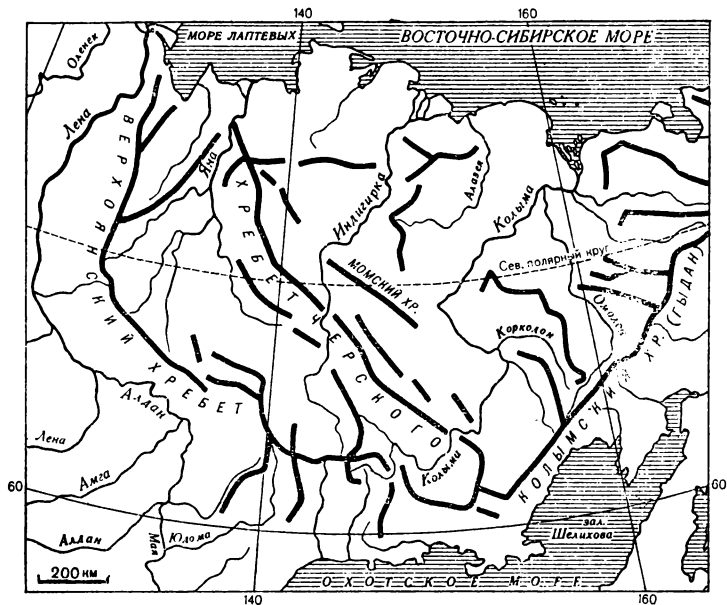


Схема хребтов на Северо-Востоке после экспедиции Обручева 1926 г.

За Чыбагалахом кончилось однообразие мрачных гранитных цепей. Здесь горы сложены яркими породами, и от их вида становится как-то веселее. Формы рельефа тоже иные — преобладают конические вершины, иногда торчат пики.

На западе поднимается незнакомая группа вершин, и экспедиция готова принять их за «коровье вымя», к которому прогнал их в такую даль Николаев. Добирались сюда два с половиной месяца, преодолев более 1500 километров пути, а предполагали пройти 800 километров в течение месяца; ожидали увидеть низменности, а пересекли столько горных хребтов, что им потеряян счет.

Наконец спустились к якутским юртам. Братья Сорокоумовы, у которых был Николаев (кроме них, на всем Чыбагалахе никто не жил), сообщили все, что знали о нем и его путешествии за платиной. Стало ясно, что в рассказе Николаева нет ни одного слова, которое соответствовало бы действительности. Разведка на Тылынье, единственной подходящей реке по описанию Николаева, ничего не

дала. Никаких следов платины... Зачем понадобилась ему эта ложь?

Но к Николаеву, вспоминал Сергей Владимирович, все отнеслись без злобы. Не будь его, экспедиция не зашла бы так далеко, не были бы сделаны важные географические открытия. Работали бы в южном районе и, пробродив месяц вблизи Оймякона, вернулись в Крестхальджай по южной тропе. Теперь же «благодаря» Николаеву проведено исследование Индигирки до самых порогов.

Но надо скорее возвращаться. Для возвращения Обручев выбрал путь к Оймякону. Середина сентября, и горы уже покрыты свежим снегом.

Мокрый и густой снег, который в долинах еще тает, идет и идет. Ущелье реки Мюреле, по которому устало бредет экспедиция, наполнено белесой мглой, сквозь которую лишь иногда проглядывают пестрые от снега горные вершины. Холодно, уныло, неуютно. Глубокие ледяные броды и непрерывный холод изматывают путешественников, хотя «домой» идти всегда как будто легче.

Утром 10° мороза, но днем стало теплее. Как всегда, Салищев беспокоится за хронометры: от холода они могут изменить ход или совсем остановиться. Кругом лежит свежавывапавший снег, лошади с трудом добывают корм.

Вскоре на пути повстречалась семья тунгусов. Старшему из ребятишек, которых в семье четверо, не более пяти лет, но он уже ведет в поводу оленя. Двое меньших сидят верхом на оленях, которых ведет мать. Грудной ребенок уютно лежит в люльке, привязанной к оленю, как боковик выюка. Несмотря на мороз, дети постарше без шапок: к холоду здесь привыкают с грудного возраста.

В конце сентября путешественники почувствовали наступление настоящей зимы. В Якутии почти нет весны и осени: зима захватывает себе 8—9 месяцев, поэтому вечерние сентябрьские морозы достигали 13°, а утром даже 21°. Солнце ослепительно яркое: «какой-то сияющий мороз», — сказал как-то о такой погоде Сергей Владимирович.

До Оймякона еще 150 километров, причем половина пути по горам, где нет корма для лошадей и не встретишь человека, а лошади выбились из сил, падают, и их невозможно поднять. Начальник экспедиции решает часть людей и груз оставить в устье Эльги, нанять оленей и оставшуюся группу перебросить на Алдан, в Крестхальджай.

В устье Эльги, пока из толстых лиственниц строится

изба, живут в холодных палатках. Печки греют слабо, а морозы уже под 30°. Особенно трудно геодезисту Салищеву, который по ночам делает наблюдения.

Наконец изба готова. Внутри она мрачновата, как и все зимовья северного полушария и в России, и в Америке. Чтобы было похоже на описание Джека Лондона, смеются пугешественники, надо только поставить на печку бобы со свиной. А так есть все — и нары, и ружья по стенам, развешанная одежда, раскаленная докрасна печка, свет свечей и вой ветра за стенами.

Уходящим уже жаль покидать теплый уютный дом и особенно оставшихся зимовать товарищей. При разлуке в такой глуши всегда сжимается сердце: встретимся ли? В соседней юрте устраивают прощальный чай. Подают лепешки и «хаяк» — сбитая и замороженная смесь масла с молоком и водой. Ледяные куски хаяка запивают горячим чаем.

В редких юртах якутов путешественники останавливаются, чтобы отдохнуть и обогреться. По освященному временем обычаю, хозяин юрты накормит не только гостей, но и лошадей. Он сам останется голодным, но гостей приютит как полагается. Однако Сергей Владимирович вынужден нарушить этот древний обычай. Он не хочет, чтобы остановка экспедиции осталась в памяти населения как бедствие, ибо накормить шесть человек и 32 лошади не всегда и не всякому хозяину под силу. Поэтому гости старались сами вести «свое хозяйство»: готовили еду из своих продуктов, и лошадей кормили своим фуражом.

Путешественники с интересом наблюдали жизнь и быт гостеприимных хозяев, их умение приспособиться к нелегким климатическим условиям сурового Северного края. Они заметили, например, что в зимней юрте вместо стекол вставлены куски льдины; такое «стекло» теплее, чем рама с настоящими стеклами, в нее ведь всегда дует; льдина же прилегает гораздо герметичнее.



Здесь каждый день мороз за  
шестьдесят,  
Дыханья замерзающего шорох.

С. В. Обручев

Поздним вечером экспедиция вошла в широкую десятикилометровую долину, в которой расположен Оймякон. Приветливые дымки юрт. Их здесь немного, но еще есть две деревянные церкви, школа и больница, так что среди тайги это уже целое поселение. Экспедицию размещают в свободных комнатах школы.

Местные организации хотя сами и небогаты, но помогают экспедиции как могут. Даже оставшимся в устье Эльги товарищам отправлены теплая одежда, чай, хлеб, табак. По просьбе исполкома Сергей Владимирович едет в верховье Индигирки для осмотра целебного горячего источника. Заодно он проделывает маршрут в 100 километров, чтобы закончить исследование всего верхнего течения Индигирки.

Когда Обручев возвращался из маршрута, он обратил внимание на странный шум, который все время сопровождал его в пути. «...Как будто пересыпают зерно или ветер стряхивает с деревьев сухой снег. Куда не обернись — всюду этот шум, а между тем ветра нет и деревья не шелхнутся», — записал он потом.

Наконец путешественник догадался, что это шуршит его замерзшее дыхание. Черский писал, что этот характерный шум появляется при морозе ниже 50°. Якуты называют этот шум «шепотом звезд».

Оймякон расположен во впадине, окруженной хребтами, сюда стекает холодный воздух. Уже 10 ноября замерз ртутный термометр, и даже днем температура ниже 40°. Ночью морозы усилились до 50 и более градусов. «Между тем на полюсе холода, в Верхоянске, средняя температура ниже 30 градусов держится с 6 ноября, а ниже 40 градусов только с 22 ноября. Сравнение с Верхоянском даже этих



Суровый край Верхоянье

наблюдений конца октября и ноября показало, что Оймякон должен быть настоящим полюсом холода»\*.

Это предположение об открытии нового полюса холода в Оймяконе высказано Сергеем Владимировичем кратко, между прочим, несколькими строками, а ведь это большое научное открытие. До этого около 40 лет (с 1892 г., когда впервые была зарегистрирована температура  $-67,6^{\circ}$ ) полюсом холода считался Верхоянск.

Пока же экспедиции надо было скорее выбираться из этого, ставшим известным теперь, самого холодного места на земле. Ведь до Якутска предстоит еще длинный и тяжелый путь на оленях, где на протяжении сотен километров нет жилья, где почти каждую ночь слышен «шепот звезд». От дыхания оленей поднимается огромное облако пара, сквозь которое видна лишь соседняя нарта. Часы, спрятанные в меховые рукавицы, останавливаются, а руки замер-

---

\* Позднейшие метеорологические наблюдения показали, что средняя температура зимних месяцев в Оймяконе на  $3-4^{\circ}$  ниже, чем в Верхоянске.



Якутск. Старинная  
башня

зают. Даже меховые шубы не спасают. Чтобы согреться, часто приходится бежать рядом с нартой.

Но как ни тяжело, а путь все сокращается, и вот путешественники уже в Алдане. А там скоро и Якутск, который экспедиция покинула шесть месяцев назад! Из Москвы не раз запрашивали об экспедиции, так как никаких вестей от нее не приходило. Уж не погибли ли?

Наконец показались огни Якутска. После простора тайги и безлюдья город воспринимается не сразу. На базе Академии наук переполох: вернулись путешественники, которых почти уже и не ждали, ведь все летние экспедиции давно возвратились.

В Якутском отделении Географического общества Сергей Владимирович делает первый доклад об открытии огромного хребта, который, как он полагал, будет назван хребтом Черского.

Зал Совнаркома республики, где проходит заседание Географического общества, переполнен. За столом президиума, сняв «полтора пуда мехов» и уже в городском костюме, появляется Сергей Владимирович Обручев. Расска-



зав о целях и составе экспедиции, о помощи ей со стороны местных жителей, Сергей Владимирович сообщил о результатах своих полугодовых исследований. Экспедиция получила весьма важные геологические и географические сведения о территории. Но самым важным и неожиданным было открытие мощного хребта, вернее, огромной горной страны на месте предполагавшейся низменности.

Карта северо-востока Азии теперь составлена заново на основании точных астрономических пунктов. Направление хребтов и расположение речных долин стали иными. Пересекая Верхоянский хребет, экспедиция открыла несколько горных цепей. Установила, что Верхоянский хребет не связан горным узлом с идущим вдоль Индигирки хребтом Кех-Тас, как считали ранее. Вместо этого меридионального хребта обнаружен ряд широтных. Весь хребет надо повернуть под прямым углом.

Обручев указал также, что в новой горной стране было пересечено 9 широтных цепей до 3100 метров высоты. Это была огромная горная дуга, параллельная Верхоянскому хребту. Отдавая дань своему предшественнику, Обручев отметил, что еще И. Д. Черский, исследовавший 35 лет назад Колыму, заметил, что хребты в этой части восточной Сибири идут не меридионально, представляя собой, как считали прежде, водоразделы крупных рек, а имеют почти широтное направление.

Сергей Владимирович напомнил и о необычной судьбе этого исследователя. Черский родился в 1845 году в Виленской губернии. Восемнадцать лет он был сослан за участие в польском восстании в Сибирь, в Омск, где шесть лет прослужил рядовым. Затем, переехав в Иркутск, он заинтересовался геологией и стал крупным геологом. Им была составлена схема тектоники Сибири, которую высоко оценил Эдуард Зюсс. Позже Черский переехал в Петербург и добился организации экспедиции в Якутию, закончившейся для него, как известно, трагически.

Значительным итогом работ своей экспедиции С. В. Обручев считал открытие на северо-востоке Сибири следов древнего оледенения.

Интересным было также его сообщение об открытии полюса холода в Оймяконе.

Заканчивал доклад Сергей Владимирович под аплодисменты. Открытие огромной горной страны ошеломило всех. Удивление и даже недоверие многих выразилось вопросами с мест. Как же это на месте низменности открыли хреб-

ты? Как же до сих пор не знали об этой горной стране? Ведь русские купцы издавна бывали там и не видели хребтов?

То ли еще будет в Ленинграде, поверят ли ученые этого крупного научного центра страны в открытие хребта Черского?

В Ленинграде, действительно, не обошлось без недоразумений. Не только устно, но даже на страницах некоторых научных журналов были высказаны возражения против открытия Сергея Владимировича. По характеру своему эти возражения были диаметрально противоположны.

Так, одни, подвергая сомнению существование нового хребта, писали: «...вся изученная страна является горной областью, в которой выделение отдельных хребтов не рационально». Вторые же утверждали, что хребет Черского открыт уже сто лет назад Фердинандом Врангелем, а Обручев об этом будто бы просто не знал.

Но... против первого возражения были новые карты Обручева. Второе же опровергалось картой самого Врангеля, на которой не было широтных хребтов, а были три меридиональных.

Таким образом, вывод можно было сделать лишь один: до экспедиции Обручева на картах изображались меридиональные междуречные хребты, а вдоль Индигирки тянулась низменность. Сергей Владимирович объединил открытые широтные цепи в один хребет Черского. Новая карта орографии Северо-Востока была создана им.

## «КОЛЫМСКАЯ ЗЕМЛИЦА»



В будущем горная промышленность будет главной базой для развития края.

*С. В. Обручев*

Открытие хребта Черского было для Сергея Владимировича началом изучения Северо-Востока; в 1929 году он организует новую экспедицию в Сибирь, но уже на два года. За это время намечалось исследовать восточную по-

ловину хребта Черского, уточнить орогидрографическую схему бассейна реки Колымы и изучить его геологическое строение.

В необычное время — в конце января 1929 года — участники экспедиции покидают Ленинград. Цель их — исследование огромного неведомого района на востоке нашей страны; намеченные трассы маршрутов невероятно длинны и проходили по труднодоступным местам. Казалось, их невозможно преодолеть не только за два года, но и за пять лет.

Но Сергей Владимирович не побоялся идти непроторенным трудным путем: движение экспедиции предусматривалось в течение всего года — и летом, и осенью, и зимой, и весной. В холодную пору года, когда реки сковывались ледяным панцирем, оленные караваны экспедиции с невероятным упорством двигались по безлюдным просторам, по бездорожью, по глубокому снегу в трескучие морозы и пургу. Много раз и люди и животные находились на грани полного истощения сил. Но только у малодушных возникал ропот.

В верховьях Коркодона, правого притока Колымы, пересекающего Юагирское плоскогорье, глубина снега местами достигала 70 см. В поисках корма олени и лошади с остервенением разгребали копытами глубокий снег.

Героика заключалась даже не столько в организации движения каравана по снежным полям и горным перевалам, устройстве палаточных биваков у костра в сорокаградусные морозы, сколько в проведении непрерывных научных наблюдений. Пока караван двигался по заданному направлению, Сергей Владимирович на лыжах совершал боковые маршруты, прослеживал направления горных хребтов и рек, описывал обнажения и возвращался с грузом геологических образцов. Салищев систематически проводил геодезические наблюдения, определял астрономические пункты, нередко в условиях, когда заочневшие руки переставали чувствовать и подчиняться.

Из Иркутска экспедиция направилась в Якутск. Начальник экспедиции, выехав позже других, неожиданно попадает в Якутск первым, воспользовавшись самолетом. Это был второй рейс самолета на вновь открытой северной авиалинии — событие чрезвычайное. В Якутске воздушным путешественникам устраивали торжественную встречу. Вскоре в Якутск прибывает и обоз экспедиции. Началась деятельная подготовка к дальнейшему трудному пути.



#### В колымской тундре

Сибирскую столицу отряд покидает в апреле 1929 года. Медленно тянутся недели. Белое безмолвие оживлял лишь сам караван экспедиции. В дороге рождались олениата, которые «почти тотчас после рождения хотя и не могли есть мха, но начинали уже копытить снег».

В начале мая экспедиция дошла до Оймякона. По сравнению с первым приездом экспедиции в Оймякон зимой 1926 года на этот раз, весной, окрестности города выглядели гораздо красивее: «На северо-востоке возвышается громада хребта Тас-Кыстабыт, еще покрытого снегом. На дне долины, пестром от пятен снега, начинают появляться крупные фиолетовые прострелы, которые здесь называют тюльпанами. С колокольни старой церкви открывается обширный вид на долины Куйтугуна и Индигирки».

Путешественники разместились в клубе — старой церкви. В Оймяконе имелась и вторая церковь, ее в то время перестраивали в больницу. Это было необходимо, так как из-за отсутствия лечебного учреждения большинство людей избавлялось от всех недугов своими средствами. Основным лекарем считался шаман, который вызывал духов для исцеления больного...

Новостью для экспедиции была метеорологическая станция, которая работала в Оймяконе с марта 1929 года. Ее установил индигирский отряд Якутской экспедиции

Академии наук. Наблюдения этой маленькой станции подтвердили предположения Сергея Владимировича, что в Оймяконе холоднее, чем в Верхоянске. Исследователь предположил, что область низких температур, которыми раньше отличалась Верхоянская впадина, простирается далеко на юго-восток и достигает более 1000 километров длины. Конечно, окончательно вопрос о климате Оймякона может быть решен только после многолетних наблюдений. Однако уже можно было утверждать, что мировой полюс холода находится здесь, на 60°16' северной широты.

Но в целом природа и орография северо-востока Сибири продолжали оставаться «белым пятном». Верховья Колымы на прежних картах изображались неверно, по распросным данным, но еще в 1926 году в Оймяконе С. В. Обручеву передали карту местных жителей Малкова и Шарина, довольно точную. На ней было показано, что хребет Тас-Кыстабыт пересекает Колыму, образуя ее знаменитые пороги.

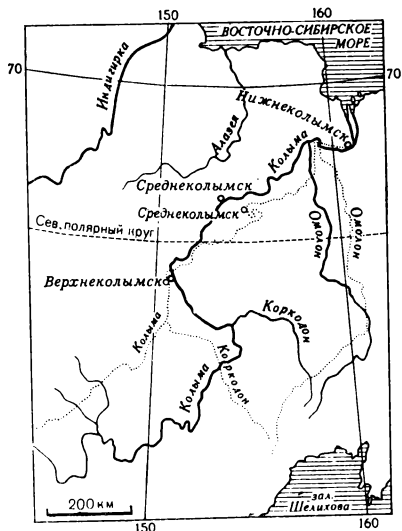
...Перед порогами верхней Колымы Сергей Владимирович расстался с экспедиционным караваном, который К. А. Салищев повел на север в обход непроходимого для лошадей ущелья. По пути Константин Алексеевич проследил строение восточной части хребта Черского и убедился в том, что хребет здесь, как и на западе, состоит также из ряда параллельных цепей, уходящих на север-северо-запад. Каждая из этих цепей расчленена на отдельные горные массивы с острыми гребнями. Между горными цепями лежали широкие болотистые долины, по которым когда-то двигались огромные ледники.

С. В. Обручев же с проводником и переводчиком на байдарках отправились вниз по Колыме: «До начала порогов Колыма течет в мрачных ущельях. Их мрачность еще увеличилась тем, что начались дожди, тучи спустились низко и закрыли всю верхнюю часть гор, нам пришлось остановиться перед началом порогов (Степан, проводник-якут, не решался начинать спуск во время дождя), на устье маленького ручья, который носил многообещающее название Юкон. Наискосок выше лежала речка с не менее пышным названием Конго. Может быть, когда-нибудь эти Юкон и Конго станут не менее знамениты, чем их случайные тезки, ведь вся эта часть Колымы принадлежит к новому золотоносному району»\*.

---

\* С. В. Обручев. Колымская земляца, стр. 46.

Схематический рисунок изображения реки Колымы и ее притоков на старых и современных картах. Пунктиром показана речная сеть на картах 1916 г.



Признаки золота встречались почти во всех речках. Основываясь на сходстве геологического строения разных участков территории, С. В. Обручев сделал предположение о существовании в бассейне Колымы обширной золотоносной области, по отношению к которой известный к тому времени золотоносный район составлял лишь небольшую часть. Этот научный прогноз впоследствии полностью подтвердился.

Отважные путешественники благополучно преодолели пять грозных порогов с торчащими в русле реки гранитными глыбами.

Ниже порогов долина Колымы широкая, вдоль русла тянется десятиметровая терраса, к песчаным отложениям которой приурочены золотые россыпи.

После впадения в Колыму ее правого притока Бохача облик долины резко меняется. Кончился самый суровый горный участок могучей сибирской реки. Восточные хребты Черского, которые пересекает дальше река, разделены здесь широкими плоскими долинами больших притоков Колымы. Сами горные цепи расчленены на отдельные, сравнительно короткие островершинные гранитные гряды. Трудно представить плывущему по реке человеку, что он все еще пересекает хребет, который тянется в юго-восточном направлении. Ширина хребта в том месте, где его про-

резают Колыма, — 250 километров. Это большая горная страна, в которой не сразу сможешь ориентироваться.

В устье Таскана, левого притока Колымы, где была намечена встреча с Салищевым, Сергей Владимирович экспедицию не обнаружил, так как непроходимые болота не позволили ей дойти до условленного места. К. А. Салищев вынужден был разбить бивак на берегу Таскана, в 20 километрах выше его устья. Сергею Владимировичу и его двум спутникам пришлось по топкому берегу тянуть бечевой свои байдарки вверх по течению реки, и лишь на второй день они добрались до лагеря экспедиции.

Двигаться на лошадях дальше было невозможно — пришлось построить большую лодку и на ней спускаться по течению сначала Таскана, а затем Колымы.

В то время на Колыме, ниже устья Таскана, работала экспедиция Геологического комитета, начальником которой был горный инженер Юрий Александрович Билибин. В 1926 году после окончания Горного института он по рекомендации В. А. Обручева поехал геологом во вновь открытый Алданский золотоносный район. Изучив геоморфологическое строение территории, он смог выяснить распределение россыпных месторождений.

Юрий Александрович рассказал Сергею Владимировичу, что до государственных экспедиций здесь добывали золото старатели-хищники, распоряжаясь золотоносной площадью как собственной. Только с 1928 года старатели стали получать участки для разработки через государственную контору. Золота добывают много, запасы его, вероятно, велики, высказывал свои соображения Ю. А. Билибин \*. Сергей Владимирович Обручев со своей стороны также высказал предположение, что бассейн Колымы может стать одним из главных районов золотодобычи в стране.

...Ниже Среднекана, после впадения правого притока Буянды, экспедиция Обручева вышла к среднему течению Колымы. Хребет Черского остался позади. Долина реки

---

\* Позже, в 1946 году, за открытия на Северо-Востоке и теоретические обобщения Ю. А. Билибина был избран членом-корреспондентом АН СССР. До конца своей жизни, оборвавшейся в 1952 году, он оставался энтузиастом, новатором и организатором геологических исследований в Сибири. В настоящее время имя его живет на востоке страны: Билибинская ГЭС, поселок Билибино, Билибинский район Магаданской области — современные центры жизни большого промышленного района.



Колымский пейзаж

Колымы здесь широкая — до 14 километров, но русло разбивается на множество протоков. Остался позади большой населенный пункт Сеймчан. Впереди — Верхнеколымск. Экспедиция делает остановку. Участники экспедиции побывали в избе, где зимовал И. Д. Черский. Когда-то здесь было много политических ссыльных. Кстати, они впервые в южной части Колымского края ввели огородничество.

От Верхнеколымска начинается нижнее течение Колымы, широкой, спокойной тут реки. Добравшись на лодке до Среднеколымска, экспедиция поплыла дальше на небольшой лодке карбасе, которая легче шла при противном ветре низовке.

Начало сентября. Сергей Владимирович с проводником и переводчиком на карбасе отправляются исследовать самые низовья Колымы. На зимовку в Среднеколымск они возвращаются уже в трескучие морозы.

В Среднеколымске, так же как и в Нижнеколымске (теперь поселок Черский), преобладали русские. Когда-то они заселяли всю Колыму вместе с юкагирами и эвенками, затем сюда переселились якуты.

Наречие колымчан, шепелявящее и картавящее, свойственно многим жителям северной Сибири, в нем сохранилось много старинных слов, принесенных сюда еще казаками-первопроходцами. Словарь колымчан был хорошо изучен ссыльным революционером Таном-Богоразом.



Этот представитель последнего поколения народовольцев был здесь в десятилетней ссылке. До ссылки он работал в типографии «Народная воля» и в конце 1886 года был арестован. Три года просидел в Петропавловской крепости, а затем его сослали на Колыму. Не раз он вспоминал слова полицейского, который говорил ему в якутской тюрьме: «О Среднеколымске мы ничего не знаем, кроме того, что там жить нельзя! Поэтому мы туда и отправляем вас!» Богораз твердо решил тогда: выживу и докажу, что жить на Колыме можно.

В тяжелых условиях ссылки он не только выжил, но и изучил народы Севера — чукчей и эвенков, их быт и фольклор. В результате путешествий по Колыме и Чукотке им написаны интересные труды по этнографии, долгое время существовавшие как единственный научный материал о народах северо-восточной Азии.

Колымчане занимаются рыболовством. В основном ловят сиговых (семейство лососевых): ряпушку, чира, муксуна, омуля, пелядь, сига, нельму.

От Среднеколымска до устья Омолона широкая Колыма течет в низких лесистых и болотистых берегах. Изредка встречаются утесы изверженных пород, или обрывы четвертичных отложений, — «талы», в которых часто попадаются кости таких крупных млекопитающих четвертичного периода, как мамонт, носорог, бизон, северный олень, лошадь, лось.

В конце сентября Колыма встала: Среднеколымск надолго оказался отрезанным от мира. Всю долгую и холодную зиму экспедиция обрабатывала здесь материалы.

Но вот стало светлеть, приближалась весна. Надо было заканчивать исследования бассейна Колымы, в частности пройти по Омолону в Нижнеколымск.

До Омолона же следовало добираться по Коркодону пока еще зимним путем. Но дороги на Омолон никто из участников экспедиции не знал. Как всегда в таких случаях, начинается ропот, ползут тревожные слухи. Рабочий-колымчанин Ваня писал жене: «Обручев ведет нас в такое место, где все мы пропадем — олени и люди»\*.

И все же благополучно пересекли обширное Юкагирское плоскогорье, которое Колыма омывает с запада. Пройден и Коркодон. Перевал же между Коркодоном и Омолоном неприметный: одна ледниковая долина переходит

---

\* С. В. Обручев. Колымская земляца, стр. 113.

здесь незаметно в другую, и преодолеть его не составило труда.

Медленно вступала в свои права весна, хотя в мае еще прочно лежал снег. Сделали остановку, разбили лагерь и начали строить лодки для дальнейшего путешествия. Одновременно изучали район верховьев Омолона. Долина этой реки своеобразна, в ней все время чередуются широкие участки — остатки древних ледниковых долин и ущелья. В целом долина Омолона, как оказалось, на карте была изображена довольно фантастично, притоки реки показаны и названы неверно.

Самым отрадным в жизни заброшенного в далекую глушь отряда была радиостанция. Около нее постоянно кто-нибудь дежурил, ловя новости и стараясь узнать, когда в Нижнеколымск придет пароход «Колыма», к которому надо успеть прибыть. Но к сожалению, об этом радио так и не сообщило.

Наступил июнь, по ночам ртуть в термометре стала подниматься выше нуля, значит, началось лето. Омолон бурлил, переполненный водой, скорость течения была более 15 километров в час.

12 июля лодки вошли в Колыму. На противоположном берегу, в заимке Колымской, участники экспедиции посетили могилу Черского. Еще около суток плыли затем по реке с ее однообразной широкой долиной до Нижнеколымска. Это уже совсем русский городок, русские обычаи и язык.

Вскоре пришел пароход «Колыма», и экспедиция погрузилась на него. Не так-то легко, даже на пароходе, добраться отсюда до Владивостока. С трудом продвигалось судно среди тяжелых (5—6 метров толщины) льдов, ломая лопасти винта и получая пробоины.

В начале сентября пароход подошел к мысу Северному — так назвал этот мыс английский мореплаватель Джеймс Кук, который в XVIII веке через Берингов пролив доходил до него на своих парусных судах.

Вскоре показался и мыс Дежнева — большой утес, расположенный на северо-восточной оконечности Азиатского материка.

Миновав бухту Провидения — типичный фиорд (таких ледниковых фиордов на Чукотском полуострове несколько), пароход сменил сломанный винт и направился во Владивосток.

При подходе к Петропавловску перед глазами пассажи-

ров открылся редкий по красоте пейзаж. «Над волнистой поверхностью горной страны высотой около 1000 метров, — писал С. В. Обручев, — в виде гигантских конусов возвышаются вулканы — «сопки», поднимающие свои вершины на 4000—4500 метров. Зрелище это настолько необыкновенно и настолько отлично от всех ландшафтов, которые я видел до сих пор, что казалось почти нереальным. Особенно фантастична и неестественна казалась исключительная, идеальная правильность конусов сопки, высившихся над обычным горным пейзажем. Некоторые из них непрерывно курились».

После необычно спокойного для Охотского моря плавания пароход вошел в залив Золотой Рог, на берегу которого стоит Владивосток. Экспедиция по изучению Колымско-Индибирского края и хребта Черского завершилась. Научные результаты ее были огромны. Проложены хотя и редкие, но весьма протяженные маршруты в почти ненаселенной местности. Охват большой территории при широком кругозоре и пронизательном уме исследователя позволил ему всесторонне оценить эту страну.

Главное, что сделано экспедицией, — это уточнение орографии, основные особенности которой были выяснены в предшествующее путешествие на Индибирку в 1926 году. Вместо существовавшего представления о радиальном расположении хребтов в действительности оказалась вытянутость цепей с северо-запада на юго-восток. Ряд вершин хребта поднимается до 3000 и более метров. Кроме того, экспедиция открыла обширное Юкагирское плоскогорье, лежащее к северо-востоку от хребта Черского, Алазейское плоскогорье — вдоль водораздела бассейнов рек Индибирки, Алазеи, Приморские низменности. Исследованиями экспедиции было установлено, что водораздел Колымы и рек, впадающих в Тихий океан, не представляет орографического и геологического целого.

Существенно уточнилось представление о геологическом строении территории и ее полезных ископаемых. Изучив геологическое строение только что открытого небольшого золотоносного района Верхней Колымы, Сергей Владимирович сделал оправдавшийся позже прогноз о существовании множества золотоносных площадей. Этот прогноз касался не только золота, но и других полезных ископаемых (олова, серебра), связанных с гранитными интрузиями. Значительно была уточнена и схема гидросети края. По существу это было тоже открытие. Астрономические определения

Салищева и работавшего одновременно с ним Агафонова позволили переместить на карте огромную дугу Колымы ниже Сеймчана на 100 километров к югу и на 200 километров к востоку, а соответственно сдвинуть и все ее притоки! Например, Коркодон был перемещен на карте на 200—250 километров к северо-востоку. На старых картах многие крупные реки были показаны на месте гор, и наоборот.

С глубоким пониманием Сергей Владимирович рассматривает не только профессиональные вопросы — геологию, рельеф и гидросеть, но и весь комплекс ресурсов — полезные ископаемые, животноводство, пушное хозяйство, земледелие, рыбные богатства. Много внимания он уделил вопросам населения и транспортной проблеме. Словом, он дал подробную характеристику громадной неисследованной территории, о которой имелись лишь отрывочные, не связанные между собой сведения. Полученные экспедицией данные о Колымском крае были использованы ведомствами и республиканскими планирующими органами при разработке схем развития экономики и культуры этой далекой территории.

О своих исследованиях на Колыме С. В. Обручев писал: «Страна, которая пять лет назад представляла совершенно неизвестную область, «белое пятно», не уступающее антарктическим, за короткое время изучена, и намечены основные линии ее развития. Здесь мы имеем возможность и исчерпывающего применения новых принципов социалистического строительства в девственной и почти не населенной области. В этом крае живет в настоящее время несколько тысяч эвенков, якутов, юкагиров и чукчей; индустриализация края принесет им переход к новым и высшим формам жизни, создавая из бывшей «Колымской землицы» мощную социалистическую базу на крайнем северо-востоке Союза»\*.

---

\* С. В. Обручев. Колымская земляца, стр. 173.



Ушла по морскому берегу,  
иное жилище сделала, совсем  
поставила, оболочка шкурами,  
в нем развесила всякое мясо.

*Из чукотских сказок*

Как организовать на обширных просторах Чукотского полуострова экспедиционные исследования: на оленях, собаках или на санях? Нет, для общей ориентации на такой площади нужен самолет! Никогда еще у нас в стране не проводили географических исследований с самолета. «Утопия», — говорили многие. Что увидишь с самолета на Севере в пургу и метель? Но оказалось, что увидеть можно многое. В 1932 и 1933 годах Сергей Владимирович Обручев на самолете обследовал громадный район побережья Берингова и Охотского морей, остров Врангеля, бассейн Анадыря и Чукотку.

В книге «На самолете в Восточной Арктике» он подробно описывает организацию, проведение и научные результаты двух сезонов работы.

Труден для любых работ район Арктики; неналаженной и неокрепшей была в то время и авиация. Нелегко было организовать географические исследования с помощью самолета и на больших пространствах Северо-Востока. Предстояло обследовать площадь около 700 тысяч квадратных километров — обширный водораздел между Охотским морем и реками Индигиркой и Колымой, а также Чукотский национальный округ.

Сергей Владимирович и его постоянный спутник Константин Алексеевич Салищев решили вести воздушную съемку маршрутно-визуальным методом. Он заключался в том, что вдоль точно проложенной линии полета геодезист зарисовывал полосу земли до 50 километров шириной. Эти полосы должны были послужить основой для создания топографической карты. Затем уже можно было проводить наземные исследования.

Самолетов в те годы в нашей стране было мало, и для экспедиции предоставили самолет фирмы Дорнье типа «Валь» (то есть «Кит») — это летающая лодка с тупым

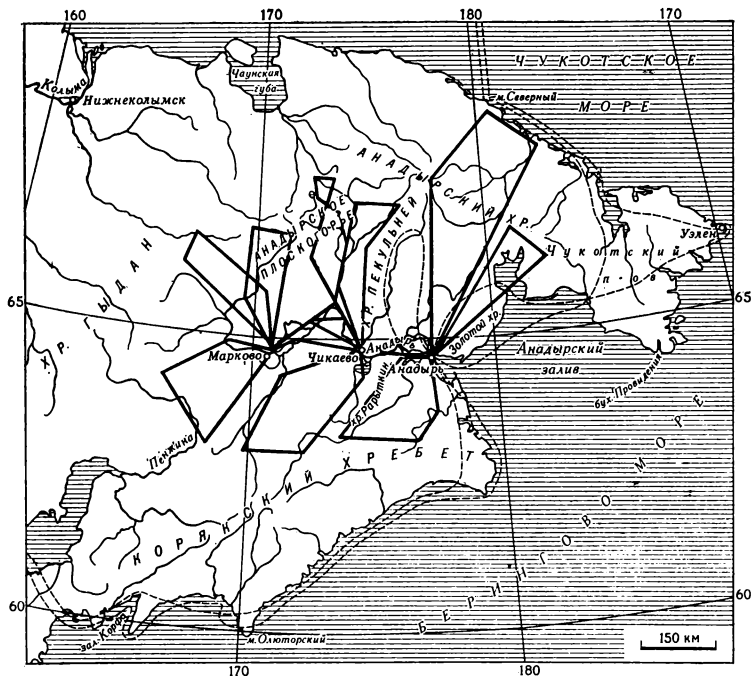


Схема полетов С. В. Обручева. Пунктир — экспедиция 1932 г.  
 Сплошная линия — экспедиция 1933 г.

носом, по форме действительно напоминающая кита. Это была старая машина, в течение нескольких лет обслуживавшая карские экспедиции. От водной посадочно-взлетной площадки он мог удалиться не более чем на 80 километров. Для изучения побережья Северо-Востока эти условия были приемлемы. Но ведь надо было изучить и сушу, а будут ли на ней большие реки и озера, необходимые для посадки «Кита», никто не знал.

Маршруты в первый сезон работы намечались вдоль берегов материка — так мало было надежды на благополучные полеты. Это решение оказалось правильным: экспедицию преследовали бесконечные мелкие аварии. Казалось, что лето пройдет, а самолет так и не закончит перелета над материком. Но вот наконец и Камчатка, Берингово море, Чукотский полуостров. С высоты 1500 метров он кажется беспорядочным скопищем закругленных гор, то черных, то красных, то серых, с заболоченными долинами

между ними, расположенными совсем не так, как показано на картах.

В оставшиеся осенние дни напряженной работы приходит неожиданная просьба — слетать на остров Врангеля, снять с него зимовщиков и доставить продовольствие и новую смену людей с парохода «Совет». А сам «Совет» стоит у плотной кромки льда и не может пробиться на остров. Разве можно отказать в такой просьбе? Выполнена и эта серьезная и небезопасная операция. Зимовки на острове Врангеля — это государственное дело.

Тяжелый сезон 1932 года, казалось бы, не мог вызвать дальнейшего энтузиазма исследователей вести работы при помощи самолетов: так мало времени было уделено географическим работам. Но в итоге выяснилось, что сделано много.

Экспедиция впервые осуществила перелет от Красноярска до дальневосточных берегов Родины, затем до Берингова пролива и острова Врангеля и обратно к дальневосточным берегам.

Этим была доказана возможность регулярной связи с Северо-Востоком. Были засняты побережье Берингова моря, часть Чукотского полуострова. К сожалению, центральные районы Чукотки остались неизвестными, так как самолет не мог удаляться в глубь материка.

Метод маршрутно-визуальной съемки превзошел все ожидания. Такую съемку с самолета до экспедиции С. В. Обручева в нашей стране еще не проводили. На основании ее К. А. Салищев составил карту восточной части Чукотского округа, которая сильно изменила прежние представления об этом районе. Стало реальностью создание в течение нескольких лет карты всего Севера Советского Союза.

Сезон 1932 года дал большой опыт, и уже в следующем году экспедиция сделала очень много. За 67 часов полетов были закончены все исследования, намеченные программой, — снято 375 тысяч квадратных километров бассейна Анадыря и часть склона Анадырского хребта. Это явилось основой для верной топографической карты.

Сделано географическое описание Чукотки и прослежены линии основных геологических структур; выяснилось, что здесь оканчиваются структурные дуги, которые окаймляют Азию с востока.

Север покорился советским людям. Суровая природа перестала быть преградой для освоения северных райо-

нов, в которых теперь работают электростанции, добываются полезные ископаемые, построены поселки и города.

После двух удачно проведенных летних экспедиций надо было начать детальные исследования географии, геоморфологии и геологии Чукотского края. Этими исследованиями на Чукотку (1934—1935 гг.) завершились десятилетние работы Сергея Владимировича Обручева по изучению Северо-Востока СССР.

Итак, экспедиция отправилась в Чукотский национальный округ (он выделился административно в 1930 г.), в северную его часть, район Чаунской губы. Снова в глухой далекий уголок Родины, в холод, метели, снега и неизвестность, к затерянному среди суровой природы маленькому северному народу — чукчам.

Только в 1923 году на Чукотке установилась Советская власть. В то время о жизни чукчей можно было узнать лишь из дореволюционных книг. Сергей Владимирович писал, что «в этих книгах, за исключением В. Богораза, быт чукчей описывался с точки зрения высокомерного буржуазного наблюдателя-европейца, глядящего сверху вниз на примитивную культуру маленького северного народа». Теперь «новая Чукотка — социалистическая — пришла на смену Чукотке каменного века»\*.

14 августа 1934 года пароход из Владивостока доставил экспедицию С. В. Обручева в Певек — селение на берегу Чаунской губы. Выгрузив десять тонн оборудования, в том числе шлюпку и двое аэросаней, члены экспедиции увидели необычное даже для Чукотского Севера поселение. Домики поселка были круглые, как цистерны для горючего, метров семи в поперечнике, с острыми коническими крышами. Несколько поодаль стояли три обычные избы.

В Певеке обосновывается на зимовку и экспедиция С. В. Обручева, состоящая из семи человек. Здесь уже год живут метеорологи. Они пугают прибывших страшной погодой — ураганными ветрами и опасностью плавания за мыс Шелагский, закрывающий Чаунскую губу с востока. Но в первые же два дня экспедиция на шлюпке обследует побережье восточнее мыса Шелагского. Первая запись Обручева: «На берегу рядом с нами земляные бугры: это остатки землянок прежних жителей, как предполагают советские ученые, — эскимосов, которые раньше распространялись далеко к западу, а сейчас живут вблизи Берингова

---

\* С. В. Обручев. По горам и тундрам Чукотки, стр. 4, 5.



пролива. Землянки совсем осыпались, и только едва возвышаются остатки стен.

В километре к востоку — три яранги чукчей-оленовдов, которые на лето прикочевали к морю, чтобы поохотиться на морского зверя — нерпу (тюленя) и моржа — и половить рыбу. Сами чукчи приходят вскоре к нам и помогают вытаскивать лодку на берег. Они бедно одеты: сильно поношенные ирэн (кухлянки) \* из шкур оленя и такие же потертые меховые штаны. На голове только шапка длинных черных волос.

На другой день мы видим и оленей. Стадо пригоняют на галечник к воде, чтобы спасти от комаров, которые еще и здесь дают себя знать. Олени стоят, опустив рога, несколько часов подряд возле воды, хоркая и мотая головами. Оленей немного: к морю из тундры выходят только бедняки и середняки, а богатые чукчи уходят со своими стадами в высокие горы».

Чукотские гости появляются и уходят внезапно, не сказав ни слова. У них нет обычая здороваться: пришедшему говорят только: «Йетти» (ты пришел), и он отвечает: «И» (да); иногда он сам скажет: «Я пришел». «Прощаться совсем не полагается. Сначала это кажется странным, но потом привыкаешь».

Тундра удручающе действует на человека, впервые попавшего сюда осенью: «Каждый день дует ветер с востока или с севера, валы низких туч лезут на горы, то дождь, то снег бьет в палатку». Унылый пейзаж особенно действует на коллектора Алексея Перетолчина: он с Ангары и без тайги просто страдает. Здесь его радуют даже крошечные кусты ивы, растущей по долинам рек. Повсюду много плавника, принесенного с устьев Лены и Колымы; это не только топливо, но и теплый дом на зиму.

Пустынность и тишина тундры у моря нарушаются ревом прибоя и хрипылыми голосами чаек, охраняющих своих птенцов, которые бродят под береговыми утесами. Местами земля разворочена, будто кто-то копал лопатой: это бурые медведи разгребали норы песцов.

30 августа наступила сразу тишина — лед почти сковал море, прибой смолк, тундра закрылась белоснежным ковром. Все взялись за строительство зимнего дома. Только Сергей Владимирович, геодезист А. Ковтун и механик

---

\* Ирэн, или по-русски кухлянка, — меховая шуба, глухая, без разреза спереди, с капюшоном, одевающаяся через голову.

А. Денисов частично освобождены от строительства: они на шлюпке изучают ближайшее побережье.

Как-то в одном из маршрутов Сергей Владимирович встретил русских учительниц Абрамову и Волокитину. Они рассказали, что учение чукчи воспринимали часто неохотно, шаманы внушали им, что оно приносит несчастье. Поэтому чукотские семьи старались разехаться как можно дальше, чтобы сорвать учение. Но отважные учительницы приноровились к этому и стали по полугоду кочевать вместе с чукчами, обучая по два или три ребенка.

Но условия для занятий были тяжелые, необходимого времени ни у детей, ни у учителей не было, так как семьи все время кочевали. Нелегко после дня пути еще сидеть в яранге в дыму у костра и учиться. Хотелось скорее согреться и уснуть, особенно детям. А утром после еды вновь надо свертывать хозяйство и идти дальше.

Практически можно было заниматься с детьми лишь на морозе, где-нибудь у стада, когда никто никуда не спешит, да и никто из посторонних ничего не знает об этом учении. Шаманы еще были сильны, и чукчи не хотели ссориться с ними. «Хозяин яранги, в которой жила Абрамова, вскоре вызвал шамана, виновато сообщил ему, что вот у него два несчастья: во-первых, его выбрали в нацсовет, а во-вторых, пришлось приютить русскую (учительницу). И духи уже гневаются: волки задрали двух оленей. Но он обещает, что в нацсовете он будет делать только то, что соответствует чукотским обычаям, а что касается русской, то она безобидная и почти что чукчанка, и если что сейчас еще делает не так, то потом научится». Шаман после этого признания совершил камланье (закливание духов), и хозяин был спокоен, что гнева духов уже не будет.

Ростки новой жизни пробивались с трюмом подобно растениям в суровой природе. И все же с 1932 года у чукотского народа появилась даже своя письменность.

С радостью на новую Чукотку смотрел ученый-гуманист Обручев. Он старается понять жизнь народа, восхищается советскими работниками — пионерами, несущими новое и светлое чукотскому населению. В книге о Чукотке Сергей Владимирович писал: «Мне хочется показать закономерность того древнего уклада жизни, сложившегося веками, который я застал в 1934 г., показать его целесообразность в условиях той тяжелой борьбы с природой, которую до последнего времени пришлось вести чукчам, подойти, так сказать, к быту чукчей не снаружи, а изнутри, как това-

рищ и участник их жизни. И вместе с тем рассказать, как под благотворным влиянием энергичных советских работников — учителей, врачей, организаторов районов — этот косный быт уже тогда, при первой встрече с советской культурой начал быстро и резко изменяться»\*.

Местные жители при общении с членами экспедиции сразу почувствовали к ним симпатию. Всеми силами они старались помочь Сергею Владимировичу, ходили с ним в тяжелые походы, сообщали различные сведения о природе, давали советы. Особенное участие они проявляли к изысканиям полезных ископаемых, которыми богат Чукотский национальный округ.

...В первых же маршрутах были обнаружены небольшие месторождения графита и россыпи гранатов, вымытых прибором из изверженных пород. Зимой работы прерывались, так как ураганные ветры и сильные морозы держали исследователей в доме. Однако зима не препятствие для других дел. Механики и коллекторы чинят приборы, транспорт, снаряжение. По вечерам Сергей Владимирович проводит с сотрудниками занятия по английскому языку, арифметике и русской грамматике.

Часто Сергей Владимирович, кончив занятия, рассказывает своим спутникам о литературе, а иногда даже читает свои стихи. Все считают, что начальник экспедиции непременно должен их где-то напечатать, его обязательно признают в поэзии. Да и вообще, может быть, стоит перейти в литературу, не терпеть невзгоды в «медвежьих углах».

Сергей Владимирович сознался, что сердце его давно отдано литературе, но семейные традиции сделали его геологом и географом. Он рассказал, что влечение к литературе, вероятно, ему передалось отцом. Владимир Афанасьевич, еще будучи студентом, напечатал рассказ, и М. М. Стасюлевич — редактор журнала «Вестник Европы» — советовал ему серьезно заняться литературной работой. Успехи окрылили Владимира Афанасьевича, и он даже хотел бросить Горный институт, чтобы целиком заняться литературой, но его убедили в необходимости закончить институт, что он и сделал, посвятив свою жизнь геологии.

— Вот так и я, — говорил Сергей Владимирович, — страстно люблю литературу, но занимаюсь ею параллельно с геологией только в свободное время.

---

\* С. В. Обручев. По горам и тундрам Чукотки, стр. 5.

Однажды в поздний час кто-то сильно и настойчиво постучал в дверь. Это был хозяин соседнего круглого дома-цистерны, как шутя называли такие дома в экспедиции. Пришедший сообщил, что в окрестностях Певека штормом нанесло массу плавника и его можно собрать на топливо. Сосед принес найденные им на берегу короткие и толстые свечи, которые могут стоять без подсвечников. По этим иностранным свечам догадались, откуда появились на берегу подгнившее сукно и куски мануфактуры. Все это принесло со шхуны «Элизиф», которую затерло льдами у мыса Биллингса еще в 1925 году. В этом году побережье свободно ото льда, и шхуна волнами разнесена на куски, которые вместе с товарами разбросаны штормом на пятьсот километров по берегу. Это происшествие и заставило прийти соседа.

Обычно в пургу жители не ходят друг к другу, а сидят в домах по трое суток, дольше пурга обычно не бушует.

Чаунский район создан в 1930 году; до этого огромный участок побережья входил в Чукотский район с центром в Уэлене, расположенном на восточной оконечности Чукотки. Организовать жизнь в таком районе, одном из самых глухих и далеких в СССР, было тогда трудно.

В 1932—1933 годах появились первые три рубленые избы, в которых разместились районные организации, и Певек стал заселяться; скоро завезли для работников культбазы те самые круглые дома, которые удивляют всех приезжих.

Дома не оправдали надежду их изобретателей: хотя круглая форма обтекаема для ветра, но стены, сделанные из двух слоев тонких досок («вагонки») с бумагой между ними, свободно пропускали ветер, и приходилось весь день топить печи. Несмотря на это, к утру мороз достигал в доме 12°.

Как только полярные станции были переданы в подчинение Главсевморпути, вновь построили обычные рубленые избы, и круглые дома на севере были ликвидированы.

В 1935 году в Певеке появились школа, клуб, больница, культбаза, интернат культбазы близ устья реки Чаун. Певек стал значительным центром Чаунского района. В наше время это городок с несколькими тысячами населения, он не только морской, но и воздушный порт на северо-востоке страны. Нет круглых домов, нет маленьких избышек, город бурно растет и строится. Каменные дома в несколько этажей сверкают электричеством: энергию дает район-

смотреть вперед, чтобы сани не налетели на какое-либо препятствие.

Но еще сложнее и опаснее путешествовать зимой по тундре без всякой «техники». Так, в 1934—1935 годах от Всесоюзного арктического института проводил геологические работы восточнее Чаунской губы В. Г. Дитмар. Его отряд, состоявший из четырех человек, постепенно «таял», так как работать приходилось в тяжелых условиях. В. Г. Дитмар остался с одним проводником-чукчей. В это время вблизи побережья терпел бедствие какой-то гидросамолет, которому геолог попытался оказать помощь. В темноте куда-то исчез проводник. В. Г. Дитмар, несмотря ни на что, хотел закончить исследования, хотя его положение было катастрофическим. Он шел один по тундре, впрягшись в нарту, и проходил не более семи километров в сутки. Остатки продовольствия он делил на мизерные порции, прибавлял к ним несколько кружек горячего чая, который грел на свечках или сырых сучках кустарников. Чудом этот геолог остался жив и написал отчет по Северной Чукотке, дав первое геолого-геоморфологическое описание района.

Вернемся в маленький отряд Обручева. Наконец путешественники подъехали на аэросанях к темному ряду яранг. Хозяева одной из них провели гостей в полог (так называется внутреннее помещение яранги). Здесь можно лишь стоять на коленях, так как полог невысок. Но в нем тепло, настолько тепло, что хозяева часто сидят обнаженные до пояса. Полог сделан из оленьих шкур мехом внутрь, пол устлан также шкурами оленей.

Тусклым и ровным светом горит ээк — небольшая чаша, в которую налит нерпичий жир или жир из толченых оленьих костей, а вместо фитиля — узкая полоска мха.

Все стараются как можно скорее попасть в полог и тщательно заложить за собой шкуру, заменяющую дверь. Но до этого надо хорошенько очистить одежду и обувь от снега, снять верхнюю одежду во внешней части яранги, чтобы не попал внутрь помещения снег — бич полога. Очень быстро полог насыщается влагой, даже от дыхания людей, а от снега образуется столько влаги, что все стенки быстро покрываются инеем. Из-за этого хозяйке приходится чаще выбивать полог, и на это уходит много сил и времени.

Почти безгранично гостеприимство в чукотских ярангах. Угощают всем, что только есть в доме, не оставляя

продовольствие на будущее своей семье. Появляются самые изысканные блюда — мелко нарубленное вареное оленье мясо, густой, как соус, бульон, который, однако, не пьют, а оставляют в котле для того, чтобы варить в нем следующую порцию мяса. Благодаря этому мясо совершенно не вываривается и остается очень вкусным. Если кому-либо захочется пить, то часто этот же бульон пьют вместо воды. Путешественники шутя говорят хозяевам, что нет ничего лучше в мире, как после четырех часов борьбы с пургой сидеть в пологе и есть такое горячее, хорошо проваренное мясо. После обеда долго, с наслаждением пьют чай. Пьют из блюдец, и даже члены экспедиции не достают кружек, так как никому не хочется вылезать из полога в пургу и рыться в багаже на нартах. Когда гости скажут: «Мури паа» (Мы сыты), — хозяйка начинает убирать посуду.

## ЗАГАДОЧНОЕ ОЗЕРО



Странное, жуткое место!  
Когда я буду писать роман  
О жизни на Луне,  
Я помещу своих героев в  
такой кратер.

*С. В. Обручев*

Наконец-то приехал новый проводник Тнелькут, молодой, быстрый и деятельный. Он поведет экспедицию в глубь Анадырского плато, на озеро Эльгытхын.

Это озеро Сергей Владимирович Обручев увидел в 1933 году с самолета, когда летал над верховьями реки Белой, притока Анадыря. Круглое, с темно-синей водой, оно лежало в глубокой впадине лавового плато в окружении диких гор. Можно было предположить, что озеро вулканического происхождения заполняет кратер вулкана или трубу взрыва. Необходимо было найти озеро и изучить окружающие горы, окончательно выяснить его происхождение.

Тнелькут прибыл сопровождать экспедицию не один, а с детьми и женщинами. «Как же я пойду один? — говорил он удивленному Обручеву. — А кто же будет ставить по-



На Чукотке

лог, готовить мне пищу, вести оленей? Это все женская работа».

Возразить ему нечего, и отряд трогается в путь.

Караван движется медленно, но остановить его для того, чтобы сделать геологические наблюдения, нельзя: поднимается ропот семьи Тнелькута. И Обручев и Ковтун ведут наблюдения на ходу или отстают от каравана, затем бегом догоняют его. В день это чукотское кочевье, соединенное с русским научным отрядом, проходит километров десять.

Наконец экспедиция достигла Анадырского плато, «всюду видны округлые вершины, конусы и плоские столовые горы, сложенные горизонтальными потоками лав». Утомительные спуски в долины, горные перевалы, бесконечный лабиринт в снежном царстве, а озера все нет.

Вдруг с высокого перевала показалось большое озеро. Оно действительно похоже на озеро в лунном кратере. Как и предполагал Обручев, взрыв вулканических газов прорвал породы, образовав круглый канал, который заполнился водой. «Особенно мрачно выглядит озеро ночью, когда зубцы гор чернеют на лунном небе, половина впадины в тени и белесая пелена тумана закрывает все ее дно» — такая запись была сделана Сергеем Владимировичем вечером в холодной палатке леденеющими пальцами. Хотя температура была только  $-30^{\circ}$ , но сырая одежда, обувь, мешки и сама палатка промораживали путешествен-

ников до костей. В яранге Тнелькута было тепло, но там едва помещалась его семья.

Исследователи разбрелись по окрестностям озера: «Нигде не видно ни следа жизни, все холодно и мертво, только черные камни и белый снег и лед». Вскоре поднявшийся ветер со скоростью 20 метров в секунду заставляет прекратить наблюдения, лагерь свертывается.

В Чаунском районе экспедицию знают, встречают как своих. Обручев вечером при свете ээка пишет в дневнике: «Мы уже не находим странным, что чужие люди встречают нас ласково, уступают часть своей скудной еды и еще более скудной кубатуры своего жилища и принимают как почетных гостей». Но не все русские, живущие на севере, поняли значение такого гостеприимства кочевого народа, они часто относились к гостям значительно холоднее, и поэтому об экспедиции чукчи говорили так: «В Певеке только в доме экспедиции хорошо принимают — они совсем как чукчи». С. В. Обручев очень гордился таким отзывом о своей экспедиции, хотя другого и быть не могло. Ведь не раз он лечил больных, оставлял лекарства, баловал детей сухарями и сахаром, деликатно боролся с влиянием шаманов.

Участников экспедиции давно ждут в «столичном городе» — Чауне: там волнуются за их судьбу. Оставшиеся с аэросанями механики не выдерживают и мчатся в тундру. Обнаружив следы экспедиции, они на аэросанях быстро догоняют ее и приводят в дикий ужас оленей. Животные путаются в постромках упряжи, сбиваются в кучу, опрокидывают нарты с астрономическими инструментами.

Встреча с участниками экспедиции была радостной: и тем и другим было что рассказать и вспомнить.





Это ветер, весна и  
стремительный март.  
Это звезды со мной заодно.

С. В. Обручев

Район Чаунской губы исследован. Следующий этап работ — Анюйские хребты, река Большой Анюй, по которой надо сплыть в Нижнеколымск. Это также «белое пятно» в географии и геологии Северо-Востока.

Опять проблема проводников, оленей, помощи райисполкома для подавления сопротивления кулаков-оленоводов. Надо пройти 600 километров на нартах, а снег уже тает, март вступает в свои права. Экспедиция снова представляет собой обычную чукотскую кочевку.

Но двигаться с нартами стало труднее: олени проваливаются в рыхлый глубокий снег и часто падают от усталости. И опять Сергей Владимирович, не останавливая каравана, осматривает обнажения, делает краткие заметки в дневнике, фотографирует, берет образцы пород.

Олени, как выяснилось впоследствии, были даны экспедиции плохие. Кулаки и шаманы старались сорвать работу экспедиции и, пользуясь отдаленностью от районных властей, не дали, как обещали, хороших ездовых животных.

Пришлось принять горькое решение — отказаться от поездки в долину Большого Анюя и вернуться в Певек. На обратную дорогу богатые оленеводы «нашли» сильных оленей, и до Певека экспедиция добралась в два раза быстрее.

Сергей Владимирович решил вновь использовать для работы аэросани. Ездить в весеннее время приятно: ночи короткие и работай хоть целые сутки. Решено пройти в глубь Северного Анюйского хребта и постараться перевалить через него в долину Малого Анюя, а затем в бассейн Анадыря и детально изучить Анадырское плато.

Исследования начинаются с реки Пуче-веем, истоки которого лежат в Северном Анюйском хребте. Пуче-веем — большая река, впадающая в Чаун; по ней и менее мощным ее притокам и высоким перевалам отряд несколько раз пе-

ресекает Анюйский хребет: перевалы в хребте для этих гор высокие — до 900 метров, часто приходится ходить пешком по крутым склонам и тропам. Основные же маршруты совершаются на аэросанях.

Только внешние воды прерывают быструю и шумную беготню саней. Весна стремительно наступает. Только что были двадцатиградусные морозы — и в несколько дней зимы как не бывало. Склоны гор почернели, обнажилась от снега тундра. Вскрываются реки, оттаивают болота, идут дожди. На озерах стоит гусиный гогот, тундра наполнилась шумными голосами уток и куропаток.

На самодельной лодке по реке Чаун путешественники проникли к южному склону Северного Анюйского хребта. Но им пришлось быстро возвратиться, чтобы закончить исследование побережья Чаунской губы.

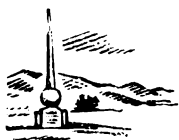
Во многих местах побережья ученые открыли месторождения халцедонов, мощные жилы кварца, а главное — нашли признаки олова.

Подводя итоги работ, Сергей Владимирович Обручев в своем отчете писал: «Был изучен район до того совершенно неизвестный; составлена карта горной страны и ее физико-географическое описание. Изучено геологическое строение и составлена геологическая карта. И, что особенно важно, полезные ископаемые, признаки которых были обнаружены нами, оказались при дальнейшем изучении заслуживающими самого серьезного внимания, в особенности месторождение олова». Счастливая звезда Сергея Владимировича не изменила ему и на Чукотке: исследование вновь увенчалось успехом — был открыт большой оловяносный район В 1937 году в Чаунской губе после Обручева работала геологоразведочная экспедиция Арктического института. После детальных разведочных работ началась добыча олова. Это послужило основой горнопромышленного развития Северной Чукотки. Певек стал центром крупного оловянорудного района.

Естественно, что неузнаваемо изменилась там жизнь, и поэтому Сергей Владимирович кончил свою книгу о Чукотке, так: «...тот быт, о котором я рассказываю в этой книге, скоро сохранится только в воспоминаниях стариков» \*.

---

\* С. В. Обручев. По горам и тундрам Чукотки, стр. 197.



Стоит ли, красуясь  
утром,  
Танну, на котором  
питаются горные козлы?  
*Тувинская песня*

Величественные горы Западного и Восточного Саяна скрывают с севера Тувинскую автономную республику. На юге ее граница совпадает с государственной границей СССР и Монголии. На большом протяжении она идет вдоль южного подножия хребтов Западный и Восточный Танну-Ола, отделяющих таежные пространства Сибири от степей и полупустынь Центральной Азии.

Территория Тувы составляет часть горной системы юга Сибири, непрерывно протягивающейся от Алтая до Забайкалья и далее переходящей в Становой хребет. Могучие горные хребты, занимающие свыше восьмидесяти процентов площади республики, от подошвы до высоты 1600—1800 метров над уровнем моря заросли тайгой. Таежная зона сменяется поясом субальпийских лугов, а самые вершины гор покрыты горной тундрой. Гребни наиболее высоких хребтов (высшая точка территории — вершина Монгун-Тайга 3976 м) — царство скалистых пиков и расположенных у их основания овальных котловин — каров, занятых озерами или скоплением вечного снега и льда; небольшие леднички — остатки огромного оледенения гор прошлой эпохи — встречаются на высотах 2200—2500 метров и выше.

Между таежными горными склонами расположены обширные котловины — Центрально-Тувинская, Хемчинская, Турано-Уюкская, Убсу-Нурская, Тоджинская и другие. Подавляющее большинство межгорных котловин — это степные пространства, где сосредоточены почти вся масса населения, поля и пастбища.

Тува расположена в глубине материка Евразии (в районе города Кызыла находится Центр Азии, отмеченный обелиском с огромным глобусом), в большом удалении от океанов и обладает резко континентальным климатом; разница между максимальными летними и минимальными

зимними температурами достигает почти  $100^{\circ}$ . Как и Якутия, зимой Тува оказывается в области азиатского антициклона. В межгорных котловинах скапливается холодный воздух; средняя температура января здесь  $-28$ ,  $-32^{\circ}$ , а морозы могут достигать  $55$ ,  $58^{\circ}$ .

...Сергей Владимирович давно мечтал попасть в этот таинственный край, стереть с карты еще одно из немногих оставшихся «белых пятен», каким была в научном отношении Тува. Он был первым советским исследователем природы восточных районов Тувинской республики, расположенных в бассейне верхнего течения Бий-Хема. В начале лета 1945 года маленький караван экспедиции С. В. Обручева уже пробирался горными тропами на восток республики. Сергей Владимирович для экспедиции в Туву использовал прежние базы в Мондах и Орлике, из которых он в 1939—1943 годах прокладывал маршруты в глубь Саянских гор.

Сотрудниками его, как всегда, были коллектор Алексей Георгиевич Перетолчин, однофамилец известного исследователя Восточного Саяна — Сергея Павловича Перетолчина, геолог Мария Львовна Лурье, коллектор Вадим Царев и проводник Мунконов.

Кроме них в отряде в разные годы работали студенты географы Н. Д. Никитин и А. М. Рябчиков \*. Саша Рябчиков, которого позже, в 1942 году, после окончания Иркутского университета, уже называли Александром Максимовичем, проработал с Сергеем Владимировичем целый год — с мая 1941 по май 1942 года. Еще будучи старшекурсником, Рябчиков изучал четвертичные отложения, вел геоморфологические наблюдения, подробно описывал наледи и другие природные явления. Зимой в камеральный период им были написаны главы научного отчета.

Большую помощь экспедиции оказывали местные охотники-проводники. Об одном из них, Д. А. Мунконове, Сергей Владимирович отзывался особенно тепло. Этот проводник не только хорошо знал местность, превосходно ориентировался в горах, но и отличался удивительной изобретательностью в обеспечении экспедиции снаряжением.

С. В. Обручев почти шесть лет посвятил изучению Са-

---

\* А. М. Рябчиков — ныне профессор, заведующий кафедрой физической географии капиталистических стран, декан географического факультета Московского университета.

янских гор. Восточный Саян... — далекий и малоисследованный горный хребет, начинающийся от Енисея, близ Красноярска, и доходящий до реки Иркуты, у озера Байкал. Сколько красоты, поэзии, до сих пор не разгаданных тайн хранит этот горный юг Сибири.

Работы 1939—1943 годов \* позволили Сергею Владимировичу создать новую схему орографии этой горной территории, выяснить историю ее рельефа. Было установлено, что в мезозое (сто миллионов лет назад) на месте горного поднятия Восточного Саяна и Хамар-Дабана был спокойный рельеф и что горообразование началось лишь в неогене (20—25 миллионов лет назад). Поднятие области Восточного Саяна было частью общего подъема территорий Байкальской горной страны. Оно сопровождалось бурной вулканической деятельностью: по трещинам изливалась базальтовая лава. Базальтовые покровы существуют до сих пор на больших пространствах Восточного Саяна, Забайкалья и Северной Монголии.

Кроме обширных лавовых покровов на этой территории были обнаружены и древние вулканы. Они давно уже не действуют, но местные жители-старички рассказывали С. В. Обручеву, что вулкан Кропоткина (Кропоткин изучал здесь древние вулканы в 1865 г.) дымился еще лет сто назад. Обручев, правда, не верил этим рассказам, он считал, что вулканы потухли еще до начала XIX века.

До экспедиции С. В. Обручева, в 1912—1914 годах, пытался исследовать вулканы, как уже говорилось, крупный геолог Сергей Павлович Перетолчин. В первые годы работы он не смог добраться до них из-за сильных дождей; в 1914 году ему удалось проникнуть к озеру Харанур, оттуда он должен был дойти до вулканов. Но о Перетолчине вдруг ничего не стало известно. Его жена Варвара Павловна Перетолчина, участвовавшая в экспедиции, начала разыскивать мужа. Лишь в 1915 году на лавовом потоке в 15 километрах к северу от вулкана нашли скелет С. П. Перетолчина. Причины его гибели были загадочны. В память об этом исследователе по предложению Сергея Владимировича Географическое общество назвало вулкан, близ которого погиб геолог, вулканом Перетолчина.

В те годы С. В. Обручев изучал не только вулканы, но и общее геологическое строение и географию территории

---

\* С. В. Обручев. Орография и геоморфология восточной половины Восточного Саяна.

открытого им обширного Окинского плоскогорья — центральную часть Восточного Саяна.

Теперь экспедиция С. В. Обручева уходила в восточную часть Тувы.

У перевала на высоте 1700 метров краснела непривычная для высокогорной флоры крупная земляника, пестрели кусты ягодников — черная и красная смородина и малина. Яркими пятнами декораций сползали с альпийских лугов в леса роскошные желтые рододендроны.

«Все это вместе с живописной картиной источников, желтыми террасами известковых туфов, чумами тувинцев, белеющими там и сям среди темной хвойной зелени, ширококорогими оленями, бродящими по лужам минеральной воды, создавало необычайное, незабываемое зрелище».

Путешественники неоднократно пересекали северо-восточную Туву для того, чтобы изучить ее природу, составить топографическую карту, исправить ошибки предыдущих съемок. Экспедиция обнаружила область современного оледенения. Ледники, как и в районе Мунку-Сардыка, не были большими, но здесь они спускаются значительно ниже — до 2200—2500 метров, так как климат северо-восточной Тувы более влажен.

На картах 1891 года южнее истоков Бий-Хема было обозначено озеро длиной 22 километра. Опытные проводники экспедиции говорили, что такого озера нет, но для такого утверждения надо было исследовать этот район. С трудом проникнув к истокам Бий-Хема, Обручев увидел, что на месте, где на карте обозначено озеро, возвышаются массивные горы. Так экспедиция развеяла легенду об огромном озере, которое до 1949 года не сходило с карт.

Была нанесена на карту и исследована цепь гор между Ка-Хемом и Бий-Хемом, которую в 1953 году в связи с 90-летием В. А. Обручева назвали его именем — хребтом академика Обручева. «Хребет лежит в центре Азиатского материка, на исследование которого В. А. Обручев потратил так много сил». Этот хребет впервые изучил и подробно описал Сергей Владимирович.

В 1946 году с С. В. Обручевым работал также и геодезист Юрий Александрович Мещеряков\*. Он определил астрономические пункты и привязал к ним прежние топографические съемки, тем самым уточнив всю орографогра-

---

\* Безвременно скончавшийся в 1970 году Ю. А. Мещеряков, доктор географических наук, крупный геоморфолог.

фическую схему северо-восточной Тувы. В результате этой работы на карте появились древние вулканы, обширные базальтовые плато; темными змейками пробежали новые реки, сместились на десятки километров водоразделы уже известных.

Экспедицией С. В. Обручева было детально изучено геологическое строение территории.

Исследование экспедиции дало возможность понять историю формирования этой области в далекие от нас эпохи жизни Земли. Сергей Владимирович показал, что геологическое строение и рельеф восточной Тувы тесно связаны с областью Восточного Саяна. Впервые было составлено научное описание интересной и сложной территории. Работы экспедиции Сергея Владимировича получили высокое признание. В день 25-летия Тувинской автономной республики и второй годовщины со дня вступления ее в Советский Союз все участники экспедиции были награждены премиями и подарками за исследование Тувы в 1945 и 1946 годах. Награда была особенно дорога путешественникам потому, что получена «в одном из самых недоступных районов нашего Союза, из рук народа, который еще 25 лет назад не видел в своих горах путешественников...»

Экспедицией в Тувинскую автономную республику С. В. Обручев закончил свои полевые исследования, продолжавшиеся без малого 50 лет, он провел более 40 экспедиций. За полвека изменились научные представления об огромной территории Сибири, изменились до неузнаваемости сама Сибирь и жизнь ее населения.

Невозможно сказать кратко о советской Сибири. Огромные промышленные районы Якутии и Северо-Востока совершенно изменили облик этих когда-то далеких окраин Советской страны: на Чукотке в настоящее время строится в поселке Билибино атомная электростанция\*. На Востоке уже созданы научные центры, выросли свои квалифицированные научные кадры, проводящие систематическое изучение земных недр и их богатств.

Но до сих пор люди там помнят Сергея Владимировича Обручева — одного из первооткрывателей новых обширных районов богатых полезными ископаемыми.

Много крупных географических открытий сделано на Северо-Востоке после исследований С. В. Обручева. Так, в горах Сунтар-Хаята и других, расположенных в верховьях Индигирки, было открыто значительное современное оледенение. Уточнялась карта: геодезисты определили новую высшую точку Северо-Востока — 3147 м — в горах Улахан-Чистай. Эта вершина значительно выше горы Чен в хребте Сунтар-Хаята, которую С. В. Обручев когда-то определил как наивысшую.

Уточнилось представление о полюсах холода Азиатского материка. В 1958 году географ Ю. П. Пармузин писал\*\*, что новые метеорологические данные дают возмож-

---

\* См. Ю. А. Сергеев. Малые и средние реакторы для удаленных районов СССР. — В сб.: «Современные проблемы освоения Севера». М., 1970.

\*\* См. Ю. П. Пармузин. О зональной природе полюса холода. — «Изв. ВГО», 1958, т. 90, № 5.



ность говорить уже не о полюсе холода, а о полосе, или зоне, холода, в которой отрицательные температуры близки к Оймякону (где температура  $-71^{\circ}\text{C}$  была зарегистрирована лишь один раз).

Изменились научные представления и по многим другим вопросам со времени путешествия С. В. Обручева, открытия которого не только проложили дорогу этому новому, но и теперь еще не потеряли значения. Например, схемой тектонического районирования северо-востока Советского Союза, созданной Сергеем Владимировичем в 1934 году, пользуются геологи до сих пор.

В последние годы жизни Сергей Владимирович руководил лабораторией геологии докембрия. Несмотря на загруженность основной работой, он успевал заниматься разнообразной литературной деятельностью. В эти же годы он пишет и крупные научно-популярные книги, и литературоведческие статьи.

Одна из последних работ Сергея Владимировича — «Русские поморы на Шпицбергене» (1964 г.) — поражает удивительным умением вести научное исследование по литературным источникам. Появление этой работы несколько необычно. Многим своим знакомым Сергей Владимирович рассказывал, как он заинтересовался одной загадочной фразой в книге Холанда «Исследования Америки до Колумба» и как эта фраза из письма XV века заставила его три года искать исторические документы, старинные карты, вникать в тайны транскрипции географических названий.

Из-за давней путаницы названий Гренландии и Шпицбергена была запутана и история открытия этого острова. В португальских документах Гренландию называли Груланда, что очень было близко к русскому наименованию Шпицбергена: Грумант или Груланд. Сами русские к Гренландии не плавали и отнесли это название к известному им давно Шпицбергену, на который русские поморы издавна плавали из Архангельска.

Изучив старинные документы и карты, Сергей Владимирович пришел к выводу, что русские плавали на Шпицберген и промышляли там морского зверя задолго до открытия Шпицбергена экспедицией Баренца. Таким образом был восстановлен приоритет русского открытия.

Не менее интересна и вторая часть книги, где С. В. Обручев рассказывает о его прежних наблюдениях на этом острове во время плавания в 1926 году на судне «Персей».

Шпицберген произвел тогда на уже опытного исследователя очень сильное впечатление. Сергей Владимирович, увидев скалистые обрывы гор и белоснежные ледники Западного Шпицбергена, весьма поэтично описал природу острова.

«Только черное и белое — резкие контрасты гравюры, выполненной смелым мастером. От нее веет холодом, она безжизненна и страшна.

Но по мере того, как мы пробиваемся сквозь льды к берегу, мертвая, совершенно иллюзорная картина оживает. Когда, наконец, удастся высадиться, перед нами — живая суровая страна. Из-под снежных пятен текут с журчанием ручейки; на щебневой полярной пустыне рассеяны кучки травы; хотя они и растут на расстоянии нескольких десятков метров один от другого, но это настоящая зелень и даже настоящие цветы. Желтые карликовые маки видны издалека.

В старых легендах Шпицберген описывался как страна мрака и холода, скал, льдов и снега, где нет жизни, где не может жить человек.

А человек, впервые попавший сюда, вдруг обнаруживает, что мрачные острова эти полны жизни — здесь бегают дикие олени и песцы, растет не только мох, но и трава и цветы» \*.

Далее в книге приводятся интересные легенды, созданные первыми его зимовщиками, трагичная история борьбы с цингой, стихийные поиски тех витаминов, которые были открыты только в XX веке.

Книга о Шпицбергене — научно-популярное и прекрасное литературное произведение, но материал для него взят из истории науки, близкой автору.

В связи с этим не кажется странным, что когда-то А. В. Луначарский предлагал С. В. Обручеву читать лекции в ленинградском университете не по геологии и географии, а по литературе. Нечасто встречается такое сочетание интересов ученого, поэтому хочется несколько подробнее рассказать о литературных наклонностях Сергея Владимировича.

Немногие знали о большом литературном даровании известного натуралиста, поэтому его литературоведческие работы в трудах Института русской литературы вызвали

---

\* С. В. Обручев. Русские поморы на Шпицбергене в XV веке и что написал о них в 1493 г. нюрнбергский врач. М., 1964.

массу недоумений. О его статье «Неизвестный вариант картины братьев Чернецовых «Пушкин в Бахчисарайском дворце» много спорили в среде искусствоведов: считали, что не мог геолог Обручев с таким знанием дела, как профессиональный искусствовед, выступать в этой области.

В его статье доказывалось, что акварель Чернецовых является вариантом картины, написанной (судя по технике работы) в первой половине XIX века, либо макетом для будущей картины, но не копией ее.

Вышедшая в 1965 году последняя книга Сергея Владимировича «Над тетрадами Лермонтова» вначале воспринималась как произведение однофамильца. Многие натуралисты, хорошо знавшие Сергея Владимировича и даже его увлечения литературой, не предполагали, что эта книга также его произведение. Не убеждало и то, что у «неизвестного» автора совпадали фамилия и инициалы. Вновь слышались недоуменные вопросы: какой же это Обручев, написавший литературоведческую работу? Тема этой книги — результаты изучения юношеских тетрадей Лермонтова, освещение некоторых недостаточно исследованных вопросов его творчества — никак не вязалась с именем геолога и географа С. В. Обручева. Географическая направленность автора проявилась в книге лишь в кавказской теме, в отношении Лермонтова к Кавказу.

Многим, кто знал Сергея Владимировича близко, казалось, что область его интересов безгранична: геология, география, литература, язык эсперанто, живопись, театр...

Ученый-энциклопедист, владевший многими языками (английским, французским, немецким, шведским, итальянским, испанским, латинским, эсперанто), обладал обаятельностью и скромностью. И даже тот, кто совсем не знал С. В. Обручева, как, например, известный полярный летчик Михаил Николаевич Каминский, в своей книге «В небе Чукотки», вышедшей в свет в 1967 году, вспоминает, что, едва познакомившись с биографией ученого, он понял, что это «неутомимый, широко мыслящий исследователь, землепроходец! Вот что говорят об Обручеве даже такие сухие сведения. Гораздо ярче он выглядит со страниц своей книги. Самоотверженный, мужественный, наблюдательный, остроумный человек и предусмотрительный организатор» \*.

---

\* М. Н. Каминский. В небе Чукотки. Магадан, 1967, стр. 151.

М. Н. Каминский пишет, что читал книгу С. В. Обручева «На самолете в Восточной Арктике», «затаив дыхание, как когда-то читал рассказы Джека Лондона. Только здесь был не плод богатой фантазии художника, а знакомая мне, неприкрашенная и совсем недавняя быль. И происходило все это не за тридевять земель, а здесь, на Чукотке, или поблизости от нее».

Уже приговоренный болезнью, в последние дни жизни Сергей Владимирович сохранял ясность мысли, читал книги, отвечал на письма; только по незаконченным строкам его писем можно было предполагать о его тяжелом состоянии.

Научные заслуги Сергея Владимировича, его огромный вклад в науку и культуру нашего народа высоко оценены в нашей стране: в 1946 году он стал Лауреатом Государственной премии, а в 1953 году был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР.

# СОДЕРЖАНИЕ

КТО ТАКОЙ СЕРГЕЙ ОБРУЧЕВ?	5
В СТРАНЕ УГЛЯ И ГРАФИТА . . . . .	7
ОТКРЫТИЕ ХРЕБТА ЧЕРСКОГО . . . . .	10
ОЙМЯКОН . . . . .	: 23
«КОЛЫМСКАЯ ЗЕМЛИЦА» . . . . .	27
В СНЕГАХ ЧУКОТКИ . . . . .	38
ЗАГАДОЧНОЕ ОЗЕРО . . . . .	49
СНОВА НА КОЛЫМУ . . . . .	52
НА ЮГ СИБИРИ, В ЦЕНТР АЗИИ . . . . .	54
ЗАКЛЮЧЕНИЕ . . . . .	59

*Гришина, Лидия Ивановна*

## К НЕВЕДОМЫМ ГОРАМ

Редактор *С. Я. Проходцева*

Оформление художника *В. Ф. Найденко*

Технический редактор *В. А. Кудряцева*

Корректор *Т. М. Шпиленко*

Сдано в набор 12 марта 1971 г. Подписано в печать 22 июня 1971 г. Формат бумаги 84×108<sup>1</sup>/<sub>32</sub>, № 2. Усл. печатных листов 3,36. Учетно-издательских листов 3,57. Тираж 50 000 экз. А07141. Заказ № 2996. Цена 12 коп.

Издательство «Мысль»

Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Московская типография № 8 Главполиграфрома  
Комитета по печати при Совете Министров СССР  
Хохловский пер., д. 7.

ВОСТОЧНО-СИБИРСКОЕ МОРЕ



о. Айон

Нижнеколымск

Мал. Анюй

Среднеколымск

г. Нонзобой

Колыма

Бол. Анюй

Омолон

Олой

ЮНАГИРСКОЕ  
ПЛОСНОГОРЬЕ

Коркодон

Озогма

Верхнеколымск

Ясамин

Сеймчан

Омолон

Бурелех

Таскан

Усть-Среднекан

Юрх

Оротук

Тянкя

зал.

Шелихова

12 коп.



ИЗДАТЕЛЬСТВО · МЫСЛЬ ·



*Л. Гришина*

# К НЕВЕДОМЫМ ГОРАМ